Радек

ЛИКВИДАЦИЯ ВЕРСАЛЬСК. МИРА

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ЕН 161
Л 543

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Карл РАДЕК

ЛИКВИДАЦИЯ ВЕРСАЛЬСКОГО МИРА

Доклад IV Конгрессу Коммунистического Интернационала

Издание Коммунистического Интернационала 1922.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕН 161
Л 543

Карл РАДЕК

ЛИКВИДАЦИЯ ВЕРСАЛЬСКОГО МИРА

Доклад IV Конгрессу Коммунистического Интернационала

Издание Коммунистического Интернационала 1922.

1 экз

ЕН161
Л543

К.

Библиотека
Института Ленина
при Ц.К. Р.К.П. (б.)

(№ 5437 1922)

~~5017 с.1~~

~~сф 9390~~

1058794

Типография Коминтерна.

Петроград, Екатерингофский пр., 87.

Ликвидация Версальского мира.

(Доклад IV-му Конгрессу Коммунистического Интернационала).

Год, отделяющий нас от III Конгресса, был годом начала ликвидации Версальского и примыкающих к нему договоров. В то время, как представители капиталистического мира во множестве книг, в миллионах статей и на целом ряде конференций, за кулисами дипломатии, рассматривают вопрос о пересмотре Версальских договоров, договоры эти подвергаются пересмотру ходом вещей, уничтожающим одну за другой основы Версальского мира. Достаточно упомянуть о конференциях в *Вашингтоне, Генуе и Гааге*, указать на нынешнюю победу турецкой армии, чтобы видеть, как рушатся один за другим столпы Версальского мира. На востоке и юго-востоке Европы и в Передней Азии он ликвидируется *оружием красной армии и оружием турецкой национальной армии*, на Дальнем Востоке—силой американского доллара, в центральной Европе—бессилием германской марки. Точный учет этого процесса ликвидации Версальского мира является, одновременно, выяснением новых политических и экономических группировок, которые уже начали выкристаллизоваться. Вполне ясное, отчетливое понимание движущих сил этого процесса ликвидации является в то же время пониманием тех событий, которые подготовляются на мировой арене.

I. Соотношение сил Версальского мира.

Версальские договоры, заключенные после победы союзников в Европе над Германией, Австрией, Болгарией и Турцией, *вовсе не дали единообразного выражения общей победе союзного капитала*, а только разделили власть между разными частями Антанты. Они установили *гегемонию французского империализма в Европе, гегемонию Англии на Ближнем Востоке и на море* и дали *Японии* громадные преимущества на *Дальнем Востоке*, подготовляя таким образом ее борьбу за гегемонию на Дальнем Востоке.

Если присмотреться к постановлениям Версальского договора, то создание Польши, с одной стороны, фактический перенос границ Франции до левого берега Рейна путем оккупации—с другой, создали в Европе *полное господство Франции* на континенте. Прав английский публицист Диллон, который в статье по поводу Генуэзской конференции замечает, что даже в эпоху наивысшего могущества Наполеона Франция в военном отношении господствовала в Европе не в такой мере, как на основании Версальского договора. То обстоятельство, что союзники отдали Польше области со смешаным немецким населением, создали корридор и дали Польше Данциг и Верхнюю Силезию,—приковало Польшу к победной колеснице Франции, сделало ее стражем Версальского договора на востоке Европы. Наряду с этим, государства Малой Антанты: Чехо-Словакия, Юго-Славия и Румыния снабжены французскими инструкторами и оружием и являются вторым звеном господства Франции на континенте. Вместе с Польшей, Румыния играет роль жандарма Франции по отношению к Советской России. Юго-Славия служит противовесом Италии. Польша и Чехо-Словакия являются, в то же время, сторожами, следящими за выполнением Версальского договора со стороны Германии.

Если перейти к позиции, которая досталась *Англии* на основе Версальского договора, то, прежде всего, бросается в глаза тот факт, что еще во время версальских переговоров Англия отвергла требование свободы морей. Вопрос остался открытым, т. е. Англия, несмотря на все разглагольствования о свободе морей, удержала за собою Суэзский канал и Дарданеллы, Аден и Сингапур, т. е. сохранила господство на Средиземном море и в Индийском океане. Ее военная база в Гонгконге обеспечивает ей самое сильное, после Японии, влияние и на Тихом океане. Ее господство в Атлантике обеспечено рядом первоклассных морских баз. Мало того, она решила, совместно с Францией, Турецкий вопрос в Севре. Этим установилось господство Англии на Ближнем Востоке, ибо если проливы и Константинополь формально находятся под общим наблюдением английского и французского флотов, то при преобладании Англии на море они находятся, прежде всего, под контролем Англии. Турецкие области, перешедшие в руки Англии— Мессопотамия и Аравия,—где были созданы фиктивные королевства, обеспечивают за английским империализмом Персидский залив и Красное море. Через Аравию и Мессопотамию Англия установила непосредственную территориальную связь между Египтом и Индией. Правда, Франция получила Сирию, откуда может угрожать Суэзскому каналу. Но, истощенная войной, она на деле пока не в состоянии превратить эту возможную угрозу в действительную опасность.

На Дальнем Востоке союзники не выступили на защиту *Китая*, как он этого ожидал. Шантун остался в руках Японии, что означает начало реализации ее мечты о захвате угольных копей и железных рудников в Китае для снабжения тем, что в первую очередь нужно японскому милитаризму. Кроме того, она получила ряд важнейших опорных пунктов в южной части Тихого океана.

II. Ликвидация Версальского мира в Центральной Европе.

Я начинаю с этого пункта, хотя, хронологически, крушение Версальского мира началось в России. Однако, германский вопрос является центральным вопросом для капиталистического мира, ибо без восстановления хозяйства Германии невозможно восстановление капитализма, и вопрос этот, касаясь *главного пробежденного* в мировой войне, приводит прямо к вопросу о *главном победителе,* т. е. о Соединенных Штатах Северной Америки.

История репарационных требований союзников хорошо известна, и я установлю только главные моменты. После того, как союзники отняли у Германии торговый флот и все ее капиталы, помещенные заграницей, после того, как они отобрали у нее 83% железа, 1/3 угля и 15% хлеба, они наложили на нее тяжелую экономическую дань. Долгое время они не могли сговориться на счет того, сколько требовать с Германии. Точная сумма платежей Германии не была определена в Версале, а было только установлено, что Германия возмещает причиненные ею убытки в Северной Франции и Бельгии и оплачивает пенсии для увечных и семей убитых. Когда союзники принялись высчитывать сумму платежей Германии, то сначала они увлеклись надеждой на фантастические платежи. Еще в декабре 1919 года один из французских министров заявил во французской палате, что Германия должна будет платить по 25 миллиардов золотых марок впродолжение 34 лет, что равняется немедленной уплате 375 миллиардов марок золотом. В ноябре 1920 года другой французский ми-

нистр требовал, чтобы Германия уплатила 218 миллиардов золотых марок. Национальное достояние Франции до войны составляло около 250 миллиардов золотых марок; таким образом, репарационные платежи Германии должны были составить немного меньше всего национального достояния Франции. В мае 1921 года на конференции союзников в Лондоне было установлено, что Германия должна заплатить 132 миллиарда золотых марок, причем в ближайшие годы ее платежи были определены в размере от 2-х до 6-ти миллиардов золотых марок в год, отчасти наличными деньгами, отчасти товарами. В те дни, когда была установлена эта сумма, за 100 германских марок платили 1,61 доллара. После того, как, втечение ближайших месяцев, Германия выплатила первый взнос в размере 1 миллиарда марок, германская марка сразу покатилась вниз, и за 100 марок уже давали только 0,54 доллара, т. е. один доллар стоил около 200 марок.

После взноса этих первых платежей, Германское правительство попросило отсрочки, заявив, что будет не в состоянии внести следующий платеж. Английский государственный банк, к которому Германия обратилась тогда за займом, заявил, что при условии дальнейшего существования Версальского договора Германия не является кредитоспособной. Таким образом, главный финансовый институт союзников засвидетельствовал банкротство Версальского договора. В январе 1922 года союзники собрались в Каннах. На этой конференции Лойд-Джордж представил докладную записку, которая является документом первостепенного значения, вскрывая движущую силу ликвидационного процесса по отношению к Германии. В своей докладной записке Ллойд Джордж, указывая на то, что действительно Франция неслыханно пострадала от войны, что ее север разрушен, говорит, что и в Англии, где не разрушена ни одна фабрика, имеется своя громадная зона разрушения,—два миллиона безработных. Устанавливая, далее, зависимость Англии от мировой торговли, Ллойд Джордж заявляет, что Англия не может допустить экономического развала Германии, одной из первых покупательниц английских товаров. Развал Германии— это развал мирового хозяйства. Он указывает, наконец, на то, что Франция в меньшей степени, чем Англия, зависит от внешней торговли, так как производит достаточно собственного хлеба и имеет все основное

нужное сырье. Франция заботится, главным образом, о своей территориальной неприкосновенности, ее беспокоит возможность германского реванша. В заключение, Англия предлагает Франции гарантию ее границ на десять лет, если Франция согласится на пересмотр экономических постановлений Версальского договора. В Каннах было решено сократить германские платежи за 1922 год до 720 миллионов золотых марок наличными деньгами и 1450 миллионов—товарами. В марте месяце Парижская конференция ратифицирует это Каннское решение и ограничивает общую сумму расходов Германии на содержание оккупационных войск 250-тью миллионами золотых марок. После Генуэзской конференции собирается, по предложению союзников, *комитет банкиров под руководством американского финансового короля Моргана.* Этот комитет должен наметить условия, при которых Германия сможет получить заем для того, чтобы быть в состоянии платить союзникам и взяться за улучшение своего хозяйства, за упорядочение своих финансов. В своем ответе банкиры заявляют, что *Германия не будет в состоянии привести в порядок свои финансы до той поры, пока репарационные платежи не будут настолько уменьшены, что сделается фактически возможной их уплата.* Выработанный банкирами документ устанавливает, далее, что при нынешнем положении не может быть и речи о международном займе для Германии, даже если бы этот заем был гарантирован первоклассным образом, например, германскими таможенными сборами. Достаточно, чтобы при этом продолжался нажим на Германию, росла ее финансовая разруха, чтобы могли наступить социальные потрясения, которые поставили бы под знак вопроса все гарантии. Хотя банкиры и считают такой исход неправдоподобным, но, имея в виду долгосрочный заем, они заранее считаются с самым плохим исходом.

Решение комитета банкиров, вместе с убийством Ратенау, которое в свою очередь было результатом политической борьбы, вызванной версальской политикой, довело марку до краха. Когда собиралась Генуэзская конференция, доллар не доходил еще до 300 марок. После решения комитета банкиров и убийства Ратенау доллар подскочил до 1400, даже до 2000 марок. Это прогрессирующее расстройство германских финансов является, понятно, следствием не одной только

репарационной политики союзников. Оно представляет собой результат экономического ослабления Германии вследствие войны, но кроме того вызывается и политикой имущих классов Германии, которые извлекают значительные капиталы из немецкого хозяйства, чтобы использовать их там, где они находятся в безопасности от посягательств Антанты. Поэтому, если бы даже репарационные требования союзников были доведены до минимума, экономическое положение Германии оставалось бы чрезвычайно тяжелым. Но за всем тем является полной нелепостью утверждение, что растущее расстройство Германии обусловливается исключительно происками немецких капиталистов. Оно ускоряется репарационной политикой, обусловливающей катастрофический темп хозяйственного распада Германии.

Союзники поняли, что дальше итти некуда, что дальнейшее развитие в этом направлении означает не только финансовый крах Германии, которая добивалась долгосрочного моратория, но представляет и громадную социальную опасность,—и взялись за пересмотр вопроса.

В первых числах сентября в Лондон должен был явиться Пуанкарэ для переговоров с Английским правительством, которое хотело разговаривать не о короткой отсрочке, не о паллиативах, а о новом решении относительно германской платежеспособности. Но прежде чем Пуанкарэ добрался до Лондона, Английское правительство выступило с известной *нотой лорда Бальфура* от 1-го сентября о междусоюзнических долгах. Эта нота является попыткой Англии заранее парировать удар, которого Английское правительство ждало от Пуанкарэ. Известно, что со стороны Англии, с того момента, как только встал на очередь вопрос о пересмотре экономических решений Версаля, выдвигалась следующая идея: союзники отказываются от взаимных долговых обязательств, и, таким образом, Франция, освобожденная от уплаты долгов Англии и Америке, будет в состоянии пойти на уступки по отношению к Германии. Английский план состоял, приблизительно, в том, что при аннулировании междусоюзнических долгов, союзники будут требовать от Германии не 132, а только 50 миллиардов золотых марок, и таким образом Германия получит, во-первых, передышку, а во-вторых, возможность займа, так что ей не придется платить и оставшихся 50-ти миллиардов, а нужно будет только

вносить проценты по займу и амортизационные суммы. В этом случае Германия перестала бы находиться под угрозой французского нажима, и весь капиталистический мир был бы заинтересован в ее восстановлении. Разумеется, взамен этого, Германия должна была бы согласиться на финансовый контроль и обеспечить заем реальными гарантиями. Таков был этот английский план. Он никогда не был официально санкционирован, но о нем говорилось за кулисами у союзников.

Английский план имел следующие предпосылки: во-первых, отказ Америки от союзнических долгов, во-вторых, политические уступки Франции по отношению к Германии и Англии (в своем Каннском меморандуме Ллойд Джордж указывает на необходимость отказа Франции от постройки подводных лодок, т. е. от угрозы по отношению к Англии). Франция, ожидая выступления Англии с таким планом, приготовила свой план. Он состоял в том, чтобы Англия отказалась от своих претензий к Франции, независимо от того, откажется ли Америка от своих претензий к Англии. Со своей стороны, Пуанкарэ не был намерен отказаться от претензий к другим союзникам: к Румынии, к Сербии, к России. Что же касается политических уступок требованиям Франции, то этот вопрос он оставлял открытым. Но, мало того,—за все свои требования Франция все еще не соглашалась пойти на генеральную сделку с Германией. Она готова была только дать Германии мораторий. Чтобы парировать этот ожидаемый удар, чтобы прекратить переговоры на этой почве, английское правительство публикует ноту Бальфура, в которой формулирует свою позицию следующим образом: Англия отказывается от претензий к союзникам только в случае общего решения вопроса о долгах и возмещениях и при отказе Америки от ее претензий. Только тогда Англия готова ликвидировать свои требования по отношению к Франции. Таким образом, нота лорда Бальфура поставила в первую очередь вопрос о междусоюзнических долгах, и к этому вопросу нужно присмотреться поближе, ибо он на деле является в данный момент самым важным вопросом капиталистического мира, бросая одновременно самый яркий свет на вопрос, *кто же является победителем в войне.*

Сначала мы приводим основные цифры взаимных долгов союзников.

I. Долги союзников Америке в долларах..

	Капитал.	Оставшиеся неоплаченными до 31 декабря 1921 г. проценты.
Бельгия	347.700.000	42.700.000
Куба	8.100.000	—
Чехо-Словакия	61.300.000	7.100.000
Франция	2.950.800.000	357.900.000
Великобритания	4.166.300.000	509.200.000
Греция	15.000.000	—
Италия	1.648.000.000	202.300.000
Румыния	23.200.000	2.800.000
Россия	187.700.000	23.500.000
Сербия	26.200.000	3.300.000

Общая сумма союзнических долгов Америке составляет 10.150.300.000 долларов, при общей сумме процентов в 1.172.200.000 долларов.

II. Задолженность союзников по отношению к Англии.

Военные займы, неоплаченные по 31-ое марта с. г., составляют (в фунтах стерлингов:)

Россия	655.000.000
Франция	584.000.000
Италия	503.000.000
Югославия	25.000.000
Португалия, Румыния, Греция и прочие союзные государства	67.000.000
Итого	1.834.000.000 ф. стерл.

Займы по вспомоществованию и восстановлению хозяйства в фунтах стерлингов:

Австрия	12.000.000
Польша.	3.900.000
Румыния	2.200.000
Югославия	2.000.000
Прочие государства	1.000.000
Итого	21.100.000 ф. стерл.

Бельгийский заем на восстановление . .	9.000.000	ф. стерл.
Прочие займы:		
Армения	829.000	„ „
Чехо-Словакия . .	2.000.000	„ „

Общая сумма задолженности по отношению Великобритании, включая сюда задолженность автономных колоний, составляющую 150.432.000 фун. стерлингов, достигает 2.017.461.000 фунт. стерлингов.

III. Задолженность Англии.

На 31-ое марта с. г. задолженность Англии составляла (в фунтах стерлингов): в отношении

Америки	859.093.000	
Канады	25.360.000	
Японии	3.000.000	
Малайские государства (Straits Settlements)	7.656.000	
Маврикия	538.000	
Прочих союзных правительств	128.000.000	
Итого . .	1.023.647.000	ф. стерл.

IV. Задолженность в отношении Франции.

На 31-ое марта Франции должны были:

Россия	5.939.000.000	фр.
Бельгия . . .	1.684.000.000	„
Сербия	1.795.000.000	„
Румыния . . .	1.181.000.000	„
Греция	861.000.000	„
Польша . . .	1.056.000.000	„
Чехо-Словакия	574.000.000	„
Италия	49.000.000	„
Прочие государства . .	42.000.000	„
Итого . .	15.181.000.000	фр.

V. Задолженность Франции.

Франция должна была на 31-ое марта:

Великобритании . .	584.000.000	ф. стерл.
Америке	2.950.800.000	долларов.
Японии	133.000.000	йен.

Что касается Италии и Бельгии, то цифры их задолженности отсутствуют, а немногие имеющиеся статистические данные страдают противоречивостью.

Нота лорда Бальфура встретила самый недружелюбный отклик в Америке. Я позволю себе процитировать одну из тысячи статей, которые появились по этому поводу в американской и английской печати. Это—статья очень известного американского писателя *Франка Сеймондса*, который осветил позицию Америки в руководящем органе господствующей в Америке партии, „Нью-Иорк Геральд", а также в Лондонском „Таймсе". Сеймондс пишет следующее: „Вопрос о том, сумеет ли Англия убедить Соединенные Штаты аннулировать долги, есть основной вопрос всего международного положения. Положение Англии в этом вопросе трудное. *Тогда как ни одна из европейских стран не в состоянии платить, нет никакого сомнения в том, что Англия имеет возможность платить*, возможность, которую она в последние месяцы много раз подчеркивала. Государственные люди Англии считали своей большой заслугой заявления, что Великобритания готова платить, оттеняя этим разницу между отношением Англии к долгам и отношением к ним континентальных стран. Поэтому для Английского правительства недопустимо отказываться от уплаты долгов или ставить вопрос об отсрочке, когда приходит срок уплаты". Доказывая, что ни Франция, ни Россия, ни Италия не в состоянии уплачивать свои долги и что поэтому *долги их являются фиктивными*, так что ни Соединенные Штаты, ни Англия не могут требовать уплаты этих долгов, Сеймондс заявляет: „То, что должна нам Англия,—это *реальные* деньги, ибо их можно собрать, они могут быть уплачены. То, что должны Англии союзники, это—не реальные деньги, и поэтому Англия требует от нас, чтобы мы отказались в ее пользу от 5 миллиардов долларов, ничего от нее не получая взамен". В дальнейшем Сеймондс указывает на то, что Европа, а в первую голову Англия и Франция, говоря о своих финансовых затруднениях, продолжают вооружаться. Американское общественное мнение полагает, что они вооружаются за счет американских плательщиков налогов и теперь вдобавок требуют, чтобы германские денежные обязательства были уплачены Америкой.

Эта точка зрения разделяется подавляющим большинством общественного мнения в Америке. Выступление отдельных лиц, даже имеющих влияние в финансовом и политическом мире, вроде известного американского банкира Вандерлипа или бывшего сенатора Нокса, кандидата в президенты, которые проповедуют аннулирование долгов, создают иллюзию помощи со стороны Америки. Однако, только часть банков и торговых кругов, заинтересованных в европейском экспорте и импорте, требует участия Соединенных Штатов в хозяйственном восстановлении Европы. Их стремления находятся в противоречии, прежде всего, с неблестящим состоянием американских финансов. Если сравнить их с довоенными финансами, то получается следующая картина. В 1914 году общая сумма государственных доходов и расходов равнялась одному миллиарду долларов. Теперь же одна только оплата процентов по военным долгам требует более одного миллиарда. По докладу министра финансов Мелона, консолидированный долг Америки составлял 31-го марта 1921 года 16 миллиардов долларов, а вместе с другими долговыми обязательствами общая сумма долга достигала 23 миллиардов. При таком положении первым вопросом, с которым столкнулось новое правительство Гардинга, был вопрос о сокращении расходов. Обратиться к массе плательщиков с предложением аннулировать 12 миллиардов союзнических долгов, это означает для всякого американского правительства подписать себе смертный приговор. Америка смотрит на долги союзников, как на обязательства, которые должны быть выполнены, и никакие попытки Англии и Франции поставить вопрос о долгах в связи с братством по оружию не находят ни малейшего отклика в широких кругах американской буржуазии, а тем менее в народных массах. А так как в то же время Америка видит колоссальный рост вооружений в Европе: 800-тысячную армию во Франции, громадный флот в Англии, то это вызывает в Северо-Американских Соединенных Штатах убеждение, что Европа строит флот и создает армию за счет Америки. Это убеждение покоится на очень реальных интересах американской буржуазии. Америка — наиболее богатая страна в мире: она господствует на хлопковом, угольном, нефтяном рынке, она имеет теперь первоклассный торговый флот,—и само собою понятно, что отказ Европы от вооружений означал бы полную гегемонию Америки.

Нет сомнения, что Америка имеет очень мало шансов на то, чтобы кто-либо из ее должников, кроме Англии, был в состоянии уплатить свои долги. Это ясно показывает платежный баланс Европы по отношению к Америке. В 1921-ом году Европа покупала у Америки на 1 миллиард 600 миллионов долларов больше, чем продавала ей. Кроме того, частные европейские должники (американские банки ссудили 5 миллиардов долларов частным лицам в Европе) уплачивали 350 миллионов долларов в виде процентов. Таким образом, платежи Европы Америке составляли в 1921 году (без до сих пор вообще не оплаченных процентов по государственным долгам) 1 миллиард 950 миллионов долларов, т. е. около 2-х миллиардов. Со своей стороны, Европе причиталось получить от Америки следующие суммы: во-первых, 100 миллионов долларов в виде процентов на остатки помещенных в Америке европейских капиталов; во-вторых 500 миллионов долларов от эмигрантов в Америке и от американских организаций помощи; в-третьих 150 миллионов долларов в виде расходов американцев в Европе, и наконец, в-четвертых 50 миллионов долларов по всяким прочим обязательствам, за фрахты, банкам и т. д. Все это составляет в итоге 800 миллионов долларов. Если вычесть эту сумму из общей суммы европейских обязательств по отношению к Америке, все еще не принимая в рассчет проценты по государственным долгам, то окажется, что Европа должна ежегодно уплачивать 1 миллиард 150 миллионов долларов разницы. Теперь возникает вопрос: чем же Европа может оплатить эту сумму? Ясно, что только своими товарами. Чтобы уничтожить европейский дефицит по отношению к Америке, чтобы приступить к оплате хотя бы только 5% по своему долгу, экспорт Европы в Америку должен увеличиться в фантастических размерах. Однако, если и до сих пор не было никаких оснований ожидать такого увеличения европейского экспорта в Америку, то теперь положение еще более обострилось. 21-го сентября с. г. введен новый таможенный тариф, который является *запретительным тарифом* по отношению к целому ряду продуктов, которые могла бы вывозить Европа, и вообще самым высоким из всех существовавших когда-либо в Америке тарифов. Этот таможенный тариф имеет громадное значение для дальнейшего развития международных отно-

шений. Делая невозможным для Германии и Англии не только увеличение их вывоза в Америку, но и сохранение его на теперешнем уровне,—этот тариф неслыханно затрудняет оплату долгов со стороны европейских держав. Для сохранения своего кредита Англия будет делать героические усилия и платить свои долги. Но Германия окажется после введения этого таможенного тарифа совершенно не в состоянии увеличивать свой экспорт, эту единственную основу ее репарационных платежей.

Новый американский таможенный тариф важен не только с точки зрения его результатов, он важен также с точки зрения *причин его возникновения*. Причины эти лежат в расслоении американской промышленности. За последние три года одна часть американского промышленного капитала начала скупать в Европе, и прежде всего в Германии, фабрики и заводы, чтобы использовать труд немецких рабочих, который по меньшей мере в шесть раз дешевле американского. Состояние германской валюты позволило американскому капиталу скупать фабрики в самой Германии, входить в сделки с германскими капиталистами, давать им ссуды для покупки сырья и ввозить продукты германского производства в Америку. Это создало грозную конкуренцию для американской промышленности. Вся промышленность, работающая на внутренний рынок, начала вопить против европейской конкуренции. Противниками нового тарифа оказались только банки, финансирующие предприятия американского капитала в Европе, и та часть американских торговцев, которые импортировали европейские товары. Другой причиной победы нового таможенного тарифа является падение цен на сельскохозяйственные продукты и угроза конкуренции со стороны аргентинского и канадского хлеба и других земледельческих продуктов на американском рынке. Это привело к об'единению блока американских фермеров с тяжелой американской промышленностью в требовании высокого покровительственного тарифа. Американский таможенный тариф, это—*завершение отхода Америки от Европы, завершение изоляции Америки*, конец надежд на то, что Америка аннулирует долги, поместит в ближайшие годы большие капиталы в Европе, даст Германии крупный заем. Закон о новом таможенном тарифе дает президенту право повышать или понижать, по собственному усмотрению, ставки тарифа на

50%. Это является мощным орудием в руках Америки для влияния на политику всех других держав. Если Англия будет вести политику заигрывания с Японией против Америки, если она попытается конкурировать с Америкой и не сделает ей уступок в нефтяном вопросе, то Америка сможет использовать находящееся в ее руках средство понизить курс фунта стерлингов. С другой стороны, она имеет возможность давить на Францию и толкать ее против Англии или использовать ее против Англии, делая ей уступки. Этот тариф отдает и Германию всецело в руки Америки. Не предоставляя Германии займа, Америка может привести хозяйство и финансы Германии в такое состояние, при котором доллар купит промышленность Германии по самой дешевой цене. Когда бывший сенатор Нокс выступил с предложением о вмешательстве Америки в хозяйственные дела Европы, он выдвинул следующий план финансового контроля над Германией: так как Франция является врагом Германии, а Англия пользуется недоверием со стороны Франции, то над Германией невозможен ни французский, ни английский финансовый контроль, а надо назначить контролером американского министра торговли Гувера, который является беспристрастным лицом. Такова программа контроля Америки над Германией, программа, которая при дальнейшем обострении экономического положения в Европе может скоро превратиться в действительность. Версальский договор, который устанавливал полное господство Франции над Германией, таким образом, ликвидирован и вопрос состоит теперь лишь в том, в каких формах союзники признают эту ликвидацию. Вопрос, на который теперь еще нельзя дать ответа, состоит в том, произойдет ли эта ликвидация в форме соглашения между американским и французским или английским и американским капиталом.

Это не означает, однако, что положение Франции безнадежно, что она не имеет в своем распоряжении средств борьбы против создавшегося положения. Французская налоговая система облагает имущие классы в гораздо меньшей степени, чем английская. Французское правительство могло бы—если бы пожелало—покрыть часть своего дефицита усилением налогового нажима. Если оно не делает этого, то из боязни перед крестьянскими массами, которым оно обещало, что все долги будут заплачены Германией, и из страха перед капита-

листами, сопротивляющимися введению высоких налогов на доходы и наследства. Желая избежать внутренней борьбы, оно будет вести тяжелую борьбу во внешней политике, чтобы выжать из Германии максимум возможного. Но если эта борьба действительно начнется, то она будет означать крах Антанты, развал *англо-французского союза.* Как известно, главной экономической целью войны для Германии было об'единение германского угля с французской железной рудой, с залежами в Бриэ. Главным поборником этого плана во время войны была немецкая тяжелая индустрия, стремившаяся путем расширения своего базиса к экономической гегемонии в Европе. Разгромленная Германия потеряла 15% хлебородных земель, 83% железной руды, одну треть угля, но в то же время Германская тяжелая индустрия с каждым днем все более усиливала свое господство над экономической жизнью Германии. Не унывая, она цепко держалась за старую цель германских империалистов, которая должна была теперь осуществиться французскими руками. Этот план опирается на то обстоятельство, что, пока Франция не захватила Рурского бассейна, она получает только Саарский уголь, ей ненужный, так как для ее стальной промышленности требуется кокс. Эта необходимость заставляла Францию требовать от Германии уплаты части репараций коксом. Стиннес и другие концерны расчитывали, что эта необходимость толкнет французскую тяжелую промышленность на сделку с ними и что таким путем будет создан мощный угольно-стальной трест Центральной Европы, который будет господствовать на континенте. И в то время как честь защиты интересов Франко-Германского угольно-стального треста была бы предоставлена французским штыкам, организация его находилась бы в руках германских капиталистов. Французские промышленные круги, главным образом Comité des Forges, были противниками этого плана Стиннеса, ибо во-первых, они боялись, что эта сделка поведет к господству германского капитала, как лучше организованного и технически более мощного, во-вторых, они надеялись на захват Рурского бассейна, который дал бы им германский кокс без сделки с Стиннесом и без опасности экономического усиления Германского капитализма, что, в свою очередь, могло бы снова поставить на ноги и германский милитаризм. Поэтому тяжелая промышленность Франции, в противовес банкам, совершенно не была заинтересована в

германских денежных платежах: она хотела использовать отказ Германии от них для захвата Рурского бассейна. Но опасность разрыва с Англией не позволила Французскому правительству пойти по пути захвата. Поэтому с уменьшением возможности для Германии платить репарации наличными деньгами, ввиду катастрофического расстройства германских финансов, часть тяжелой французской промышленности вынуждена была вступить на путь сделки с немецкой тяжелой промышленностью. Договор Стиннеса с маркизом Люберзаком относительно восстановления Северной Франции является началом этой политики. Французское правительство, понятно, боится этой политики. Оно прекрасно знает, что если эта политика не сведется к одному или нескольким договорам, а будет состоять в фактическом об'единении тяжелой промышленности Германии и Франции, то это создаст самого мощного конкурента для Англии и приведет к борьбе с нею. Некоторые промышленные круги Франции, в свою очередь, боятся конкуренции Германской промышленности. Все это будет задерживать развитие политики сближения французской и германской тяжелой промышленности. Но пока что, перед лицом финансового банкротства Германии и опасности военного захвата Рурского бассейна, политика сближения с Германией представляет единственно возможный выход из репарационного тупика. Но и она не в состоянии спасти Версальский договор. Смысл Версальского договора состоял в *уничтожении Германии*. Если бы Франция добилась права оккупации Рейнской области, то это означало бы повторение старой Рейнской политики Франции времен Вестфальского договора, времен Наполеона. Создание Рейнского буферного государства, которое врезалось бы клином между Северной и Южной Германией, привело бы к созданию на юге католического государства, об'единяющего немецкую Австрию и Баварию, в противовес Северу. В Версальском договоре Франция не только стремилась выжать из Германии возможно больше денег и капитала. Версальский договор был смертным приговором для германского народа, и если теперь Франция, ради спасения своего экономического положения идет на об'единение с германской тяжелой промышленностью, то она таким путем получит деньги и громадные экономические и военные рессурсы для борьбы с Англией,

но заплатит за это ценой восстановления Германии. Ибо не подлежит сомнению, что подобный экономический курс приведет к изменению и политического курса Франции по отношению к Германии. С другой стороны ясно, что Англия не будет спокойно смотреть на этот процесс усиления ее крупнейшего конкурента в Европе. Англия, борющаяся с американской конкуренцией, Англия, конкурирующая с Японией на Дальнем Востоке, Англия, которая воевала с Германией, как со своим конкурентом на континенте, когде Германия не имела и десятой доли тех военных средств, которыми будет располагать Франция, опираясь на об'единение своей тяжелой промышленности с Германской,—эта Англия не допустит возникновения такого положения вещей. На всякую попытку Германии заигрывать с Францией, Англия отвечала ударами и если Германия потеряла Верхнюю Силезию, то это было английским ответом на Висбаденское соглашение. Падение Ллойд Джорджа только обострит борьбу за Германию.

Когда профессор Кейнс и тысяча других маленьких Кейнсов провозглашали необходимость пересмотра Версальского договора, когда об этом же пересмотре говорила международная социалдемократия, представители II и II$^{1}/_{2}$ Интернационала, то они рисовали картину, как Франция, этот злой гений Версаля, откажется от безумной политики разрушения и как тогда начнется новая эпоха мира и всяческих других благ. В настоящее время пересмотр Версальского договора не является больше об'ектом спора, потому что договор уже ликвидирован. Но ликвидация Версальского договора означает *только новую группировку сил внутри европейского капитализма, новые международные конфликты, в которых Германия является об'ектом, а не суб'ектом борьбы.*

III. Капиталистический мир и Советская Россия.

Хронологически ликвидация Версальского договора началась не в Германии, а в России. Когда союзники заключали Версальский договор, который упоминает о России только в некоторых добавочных пунктах, вся система Версальской политики базировалась не только на уничтожении Советской России, но и *на уничтожении России, как великой державы.* Политика удушения Германии, ее уничтожения как международного фактора уже сама по себе предполагала уничтожение России, как великой державы. Ибо, если бы даже победила белая Россия, то для нее было бы также небезразлично уничтожение Германии, ибо, кем бы ни управлялась Россия, ее интересы требуют во всяком случае существования Германии. Россия, неслыханно ослабленная войной, могла бы расчитывать на положение великой державы, на получение экономических средств для своего хозяйственного восстановления только при условии существования, в лице Германии, противовеса гегемонии союзников. Эта белая Россия, если бы она пришла на смену Советской России, была бы заинтересована в том, чтобы существовала Германия, как ее *возможный* союзник, даже в том случае, если бы она хотела оставаться в союзе со своими старыми союзниками. Однако не только политика союзников по отношению к Германии, но и решение союзниками Ближне-Восточного вопроса имело своей предпосылкой полное *отсутствие России.* Достаточно только вспомнить, скольких усилий, какой борьбы стоило русскому царизму добиться в 1915 году от Англии согласия на переход Константинополя и проливов в руки русской буржуазии. И если бы русская буржуазия, разбитая в этой войне, была принуждена отказаться от требования передачи в ее руки Константинополя и проливов, то и тогда она никак не могла бы согласиться на то, чтобы ключ от Черного

моря находился в руках не слабой Турции, а могущественной Англии. Наконец, и тот договор, который Англия во время Версальских переговоров заключила тайком от других союзников с Персией, превращал последнюю в английскую колонию и имел своей предпосылкой отсутствие России. Победоносные союзники смотрели на Россию, как на будущую сферу своего влияния, как на Турцию или Персию, то-есть как на свою будущую колонию. Борьба союзников против Советской России была не только борьбой против первого пролетарского государства, но и попыткой уничтожения всякой России, которая могла бы пред'явить счет союзникам. Союзники поставили себе целью раздавить Советскую Россию и создать *слабую* белую Россию. Во время Версальских переговоров Ллойд Джордж обратился с тайным меморандумом от 29 марта 1919 года к Клемансо и другим представителям союзных государств. Этот тайный меморандум напечатан впервые в книге бывшего итальянского министра Нитти: „Европа без мира". Он показывает, какой громадный страх внушала Советская Россия тогдашним союзникам. Ллойд Джордж говорит: „вся Европа насыщена идеями революции". Он указывает на только что происшедший переворот в Венгрии, на спартаковское восстание в Германии и, констатируя глубочайшее недовольство самых широких народных масс Франции и Англии, подчеркивает, что массы эти борются не только за улучшение своей жизни, но, сознательно или бессознательно, и за ее социальное переустройство. Указывая далее на Советскую Россию, он говорит: „Советская Россия установила новый экономический порядок: там развал промышленности, остановка жел. дорог. Но там каким то чудом создали армию, и армию дисциплинированную, единственную армию в мире, котораа сражается за свои убеждения". Все это можно буквально прочесть в тайном меморандуме Ллойд Джорджа. Из этого он делает вывод о необходимости пощадить Германию, чтобы воспрепятствовать этой промышленной стране об'единиться с революционной Россией, а также вывод о необходимости борьбы с Советской Россией.

Два года борьбы союзников окончились их поражением. Мало того: Россия перешла в наступление и, отразив поляков у Киева, двинулась на Варшаву. Этот момент является моментом перелома в отношении союзников к Советской России. Союзники были тогда

убеждены не только в том, что они не смогут свергнуть Советскую власть, но и считались, во время похода на Варшаву, с возможностью красной победы в Польше и с последствиями этой победы—развитием революции в Германии. Тогда на конференции в Булони не только Англия, но и Франция готовы были идти на признание Советской России, чтобы задержать ее победоносное движение. Советская Россия была под Варшавой разбита. Тогда союзники отказываются признать Советскую Власть, а Франция даже признает Врангеля. Но и после разгрома Врангеля, в начале 21 года, среди союзников преобладает убеждение в конечном поражении Советской России. Несмотря на это, Англия идет на торговый договор с нами. Причины, заставившие ее сделать это, имеют двоякий характер. Это—во первых *безработица в Англии*, начавшаяся во второй половине 20 года. Безработица эта указывает союзникам, и прежде всего английской промышленной буржуазии, на невозможность продолжения Версальской политики, указывает на абсолютную необходимость открытия новых рынков сбыта и не только для Англии, но и для Германии. В английских капиталистических кругах уже тогда созревает мысль о том, что выйти из репарационного тупика можно, только предоставив Германии возможность развить экономические силы России и оправиться за счет русских крестьян и рабочих. Одновременно с этим намечается и новая тенденция, тенденция, заглядывающая еще дальше. В 1921 году, когда обостряется борьба между Англией и Францией из-за решения репарационного и Ближне-Восточного вопросов, Англия спохватывается и спрашивает себя, не зашла ли слишком далеко победа Франции. В некоторых более дальновидных кругах английского капитала начинает намечаться стремление к созданию противовеса Франции из укрепленной России и Германии или, во всяком случае, из Германии, опирающейся на Россию.

Новая экономическая политика вызывает в Англии убеждение в полном банкротстве коммунизма в России, убеждение в возможности эволюции Советского правительства и Советской России в направлении к капитализму. В речи которую Ллойд Джордж после конференции в Генуе произнес в Английском Парламенте, он высказал взгляды на положение вещей в России, руководящие капиталистическими державами. Он указал на то, что Советская Россия нуждается в креди-

тах, что без кредитов экономическое возрождение России невозможно. Но дальше он говорит: „вожди Советской России прекрасно ориентируются в международном положении и понимают невозможность осуществления коммунизма, но на них давит настроение рабочей олигархии. Советская Власть не может сразу отказаться от своих убеждений, но в конце концов она откажется от них и перейдет на почву капитализма". Не подлежит никакому сомнению, что таков был взгляд руководящих кругов буржуазных политиков, созывавших Генуэзскую конференцию. Они были убеждены, что если требование восстановления капитализма будет как следует замаскировано, то Советское Правительство возвратит всю собственность бывшим иностранным капиталистам, и тогда начнется развитие частного иностранного капитала в России, а оставшиеся в руках правительства жалкие остатки государственной промышленности будут не в состоянии конкурировать с частной промышленностью и будут сданы русской буржуазии. С высоты этих заманчивых перспектив Ллойд Джордж смотрел на французов, которые по своей недостаточной эластичности требовали от Советского Правительства, чтобы оно на словах отказалось от коммунизма. С английской практичностью он готов был согласиться даже на то, чтобы русское правительство называлось Советским, чтобы в русских школах обучали коммунизму, — если только Советская Россия на деле согласится отдать русскую промышленность в руки иностранного капитала. В тот самый момент, когда среди союзников начала назревать мысль об уменьшении платежей Германии, они пред'явили Советской России громадные требования уплаты довоенных и военных долгов. Значение этих требований состояло лишь в том, чтобы принудить Советское Правительство, не имеющее возможности уплатить эти долги, отдать *в руки союзных капиталистов* старую промышленность, громадные новые концессии, таможенные доходы, как гарантии будущей уплаты, а, быть может, и железные дороги. Таков был план, с которым союзники явились в Геную. Они говорили нам: *мы вас не победили с оружием в руках, и поэтому вы остаетесь у власти, но Советская Россия должна стать колонией союзников.*

На этот план союзников Советская Россия ответила резким отказом. Она отказалась передать промышленность в частную собственность бывшим владельцам-

иностранцам и вообще отдать всю промышленность, даже на началах аренды, в руки частного капитала. Советские правительства, принужденные итти на уступки в интересах восстановления расшатанного хозяйства, готовы и теперь, в виду медленного хода развития мировой революции, пойти на сделки, но только на условиях, при которых сохранилась бы возможность дальнейшего развития главнейших завоеваний октябрьской революции. Поэтому они наотрез отказались признать частную собственность. Этот вопрос кажется только вопросом формы, но на деле это не так. Отдача имущества в частную собственность иностранным капиталистам означает потерю возможности влиять на направление их хозяйства. Удерживая же за собой право собственности, правительство получает возможность влиять на ход экономического развития. Достаточно указать, например, на то, что отклоненный в Совнаркоме договор с Уркартом, обязывал Уркарта добывать медь, свинец и т. д. в сданных ему на концессию областях в точно определенные сроки и в точно определенных количествах. Советское Правительство готово сдать иностранному капиталу только ту часть промышленности, которую, по его расчету, ему трудно в ближайшее време восстановить собственными силами. Желая удержать в своих руках главную часть промышленности, и в первую голову тяжелую индустрию, как средство восстановления собственными силами железных дорог и как средство влияния на развитие сельского хозяйства, Советское Правительство отказалось принять на себя обязательство вернуть всю бывшую иностранную промышленность ее прежним владельцам. Вопрос о долгах, это спор не о принципах. Принципиально коммунизм не запрещает платить долги. Если мы в свое время отказались от уплаты довоенных и военных долгов, то это было с одной стороны ударом по мировому капиталу, который не прекращал войну, а с другой стороны—попыткой вызвать оппозицию мелкой буржуазии—держателей бумаг—против затягивающих войну правительств. Кроме того, это была попытка освободить страну от неслыханно тяжелого бремени. Когда Советская Россия отказалась от признания долгов, то по существу разговор шел не о принципах, а о том, чтобы не дать возможность союзному капиталу потребовать взамен долгов, которые она не в состоянии была платить, предоставления ему финансового кон-

троля, громадных новых концессий и выдачи железных дорог. Если бы было возможно сговориться насчет размеров долгов и сроков их оплаты, причем устранялась бы опасность превращения России в колонию, то интересы рабочего класса требовали бы от нас пойти на такую сделку, ибо разумеется, нет принципа, запрещающего признавать долги. Между тем, в закулисных переговорах, союзники пытались представить дело именно таким образом. Они говорили, что дело идет о признании принципа, только принципа, ибо, как сказал Ллойд Джордж в парламенте, нельзя приходить к капиталистам с требованием дать взаймы, заявляя одновременно, что Советская Россия не признает принципа уплаты долгов. Так как союзники не хотели установить точные суммы своих претензий и указать сроки уплаты, то оказалось невозможным заключить какую бы то ни было сделку. Конференция в Генуе и следующая за ней в Гааге окончились полной неудачей, так как союзники, видно, еще не признают существования Советской России, как страны, в которой социализм делает первый шаг к своему осуществлению.

Крах Генуи и Гааги, вызванный по существу отказом союзников признать самый факт существования *рабочего* государства, стремящегося к социализму, был ускорен и обострен борьбой нефтяного капитала за Россию. Соперничество нефтяных трестов, взорвавшее конференции в Генуе и Гааге, находило себе во время переговоров случайное отражение в прессе. Но в полном об'еме эта борьба была неизвестна не только широким слоям читателей, но и девяти десятым лиц, принимавших непосредственное участие в переговорах. Только последующее точное изучение нефтяной прессы навело на след, по которому удалось выяснить истинную роль нефти в неудаче Генуи и Гааги.

В первых числах мая, когда в международной печати были распространены сведения о том, что 30 апреля в переговорах между Чичериным и Ллойд Джорджем наметились основы для возможной сделки, вдруг появилось в печати известие о заключении договора между Советским Правительством и нефтяным английским трестом Рояль Детш и Шелль. Это известие, значение которого трудно было тогда оценить, явилось бомбой, взорвавшей Генуэзскую конференцию. Борьба между Стандарт Ойль и Рояль Детш, к которой мы вернемся в обзоре Ближне-Восточных дел, привела перед Генуэз-

ской конференцией к предварительной сделке Англии с Америкой, в которой английское правительство обещало считаться с американскими нефтяными интересами в России. Это не был договор оформленный до конца, но он обещал Америке сохранить единый фронт по вопросу о Бакинской нефти, и американский и английский нефтяные синдикаты скупили акции русских нефтяных предприятий, надеясь обеспечить за собой таким образом как бы некоторые юридические права бывших собственников. Известие о том, что между Советским Правительством и английским синдикатом заключен договор, было пущено в прессу Стандарт Ойл'ем на том основании, что формула, на которую шел Ллойд Джордж в компромиссе от 30 марта относительно частной собственности в России, вызвала у Стандарт Ойль подозрение, что за нею кроется какая то сделка по нефтяному вопросу. Ллойд Джордж соглашался признать, что, если Советское правительство не хочет или не может возвратить ту или другую фабрику, завод или шахту, ранее принадлежавшие иностранным капиталистам, оно имеет право сделать это при условии уплаты известных компенсаций. Стандарт Ойль полагал, что это дает Советскому правительству возможность удержать находящиеся теперь в американских руках нефтяные участки бывших русских владельцев с тем, чтобы затем переуступить их Рояль Детш и Шелль. Поэтому Стандарт Ойль и организовал срыв Генуэзской конференции. В смысле обеспечения нефтью Франция находится в самом плачевном положении. Ее положение, в то же время, крайне неудобно при всяких переговорах с Советским Правительством, так как в ее руках сосредоточена главная часть русских довоенных займов. Перед войной Россия не получала займов ни в Лондоне, ни в Нью-Иорке, а получала их в Париже, и таким образом претензии Франции к России весьма значительны. России же Франция многого дать не может, так как она сама экономически ослаблена. Такое положение французской буржуазии, не имеющей в руках нужного эквивалента, опасно для нее, но крайне выгодно для Англии. И поэтому не принципиальные соображения, а этот трезвый учет был главной причиной, почему после того как французский представитель Барту дал свое согласие на меморандум Ллойд Джорджа от 30 марта, французское правительство отказалось его подписать. В том же положении было и бельгийское правительство. Вскоре

после Генуэзских переговоров Франция и Бельгия создают франко-бельгийский нефтяной синдикат, играющий решающую роль в Гааге. Перед Гаагской конференцией в Гааге состоялось совещание представителей Стандарт Ойль, Рояль Детш и Шелль и франко-бельгийского синдиката и на этих переговорах Франция и Англия обязались придерживаться одной линии.

Роль Стандарт Ойль в этом деле об'ясняется в значительной мере отношением Северо-Американских Соединенных Штатов к России. С. Ш. Северной Америки представляют собою не только самый мощный капиталистический организм, но и страну с особенно ярко выраженным буржуазным индивидуализмом, страну, в которой только несколько десятков лет тому назад всякий рабочий мог сделаться фермером, а всякий мелкий буржуа мог надеяться выйти в ряды крупной буржуазии. Эта страна является не только по своим интересам, но и по своей психологии чемпионом капитализма, и не подлежит сомнению, что ни в одной стране ненависть буржуазии и ее агитация в печати против Советской России не были так сильны, как в Америке. Теперь центрально-европейский рынок сбыта земледельческих продуктов разбит, уничтожен, на нем покупается только самое необходимое. Цены на продукты американского земледелия падают, и возможность появления России, как хлебного экспортера, ощущается американскими фермерами, как грядущая опасность. Когда несколько недель тому назад распространились ложные сведения о том, что Советское Правительство намерено в этом году приступить к экспорту хлеба, то американские фермеры стали призывать к бойкоту русского хлеба. Возможности развития американского промышленного экспорта в Россию потенциально громадны, но предполагают в качестве предварительного условия— предоставление широкого долгосрочного кредита русскому крестьянству. Но американский капитал обладает громадными возможностями внутреннего развития: только небольшая часть его работает на экспорт. А теперь, когда американский капитал вытесняет Англию из Южной и Центральной Америки, когда он имеет возможность скупить промышленность Германии, он не спешит иметь дело с Россией. Разумеется, Стандарт Ойль хотел бы захватить в свои руки Бакинскую нефть, но это ему нужно лишь потому, что в данный момент такой конкурент как Шелль угрожает захватом Бакин-

ской нефти. Американский капитал пойдет на сделку с Россией, чтобы не дать возможности другим капиталистическим странам усилиться в Советской России. Поэтому политика Стандарт Ойль в Генуе и Гааге сводилась к тому, чтобы не допустить Россию к сделке с Шеллем, а поскольку самой Америке удалось связать Шелля, она не имела интереса итти на сделку с Советской Россией.

Неудача Генуи и Гааги является доказательством не того, что сделка Советской России с капиталистическим миром невозможна, а того, что время этой сделки еще не пришло. Когда некоторые люди разбирают вопрос о том, возможен ли принципиально modus vivendi между капитализмом и пролетарской диктатурой, между капитализмом и социализмом, то это—подмена вопроса. Этот modus vivendi существует уже пять лет, существует, как неустойчивое равновесие, при котором мы имеем ряд сделок с капиталистическим миром. Вопрос только в том, *на какой почве заключаются эти сделки.* Покамест капиталистический мир убежден. что мы, принужденные экономическим положением, пойдем на капитуляцию и только хотим замаскировать наши сделки. Дальнейшее существование Советского Правительства, рост, хотя бы и медленный, производительных сил страны, политика выжидания,—вот что является предпосылкой для сделок. Версальский мир по отношению к Советской России ликвидирован, поскольку дело идет о победе с оружием в руках, но он еще не уступил места ясному, определенному компромиссу старого капиталистического с новым пролетарским миром. Капиталистический мир все еще убежден в том, что ему удастся навязать свои условия Советской России, но время, в течение которого приходится страдать не только Советской России, в течение которого гибнут об'екты этой борьбы,—это время работает на нас. Вся международная обстановка, создающая новую группировку, обостряющая отношения, увеличивает удельный вес Советской России. Она приведет к тому, что сделка вырастет не на почве капитализма, а на почве взаимных уступок. Размер этих уступок определен характером Советской России и международной обстановкой. Когда Советская делегация явилась в Геную, английское правительство было. убеждено, что оно принудит нас к капитуляции. Урожай, хотя и не первоклассный, дает нам не только передышку на год, но и открывает

возможность приступить к работе над воссозданием нашего хозяйства. Этот год, год ликвидации Версальского договора, год громаднейших потрясений, явится годом, в котором перед нами встанет новая перегруппировка всех соотношений сил, годом, в котором многое будет зависеть от того, как в данном вопросе выступит Советская Россия. Не бряцая оружием, не зарываясь в авантюры, Советская Россия может в этой политике назревания новых противоречий и новых перегруппировок занять выжидательную позицию с полным убеждением в том, что каждая неделя усиливает ее международное значение. Всего только несколько недель прошло с того дня, как перед всем миром ярко встал факт краха германской „политики исполнения“, вследствие невозможности для Германии выполнить условия Версальского договора. Только последние недели принесли нам весть о победе Турции, победе, чреватой глубокими последствиями. На какую бы передышку ни должна была пойти Турция, какая бы власть ни господствовала в ней,—Ближне-Восточный вопрос автоматически поставил Советскую Россию в фокус международной политики. В том же самом направлении идет развитие и на Дальнем Востоке.

IV. Ближне-Восточный кризис.

Ликвидация Севрского договора на Ближнем Востоке происходит в самых непосредственных военных формах. Она началась еще до того, как были проведены в жизнь основные постановления этого договора. Версальский договор касался Турции только в том смысле, что отнял у Германии все, что она в продолжении многих лет захватила в Турции, идя путем капиталистического проникновения. Он отнял прежде всего Багдадскую железную дорогу, главный об'ект дипломатической борьбы за последние десять лет перед войной, и экспроприировал все германские капиталы, вложенные в предприятия в Турции. Решение Турецкого вопроса по существу было делом Севрского договора, выработанного союзниками только в 1920 году. Севрский договор означал выполнение старой программы английского либерализма, программы Гладстона: изгнания турок из Европы и уничтожения Турции, как великой державы. В Европе у Турции было отнято все, что ей оставил мир с Грецией, Сербией и Болгарией в 1912 году. В Азии были отняты области, где национальное большинство не принадлежало туркам. Была создана независимая *Армения*, стремящаяся найти у Александретты выход к Средиземному морю, были отняты *Сирия*, *Месопотамия и Аравия*. На Западе Малой Азии Греции была передана область Смирны, глубоко врезывающаяся в страну; на юге—Киликия была передана Франции, область Адалии должна была перейти к Италии. Далее: Константинополь и проливы должны были находиться в руках союзников, прикрывшихся флагом Лиги Наций. Севрский договор не был ратифицирован Турцией. Остатки разрозненного Турецкого офицерского корпуса под руководством Кемаля-Паши отказались признать Севрский договор. Бежав из Константинополя, Кемаль-Паша приступил к организации защиты страны против союз-

ников. И даже правительство султана, находящееся целиком в руках Антанты, не представляющее решительно никакой силы, должно было, ввиду такого положения вещей, отказаться от ратификации Севрского договора.

Если поставить вопрос, как была разделена Турция с точки зрения соотношения сил между самими союзниками, то нет ни малейшего сомнения, что *руководящая роль и главнейшие позиции достались Англии.* Правда, французы, находясь в Сирии, могли угрожать Суэзскому каналу, главной линии сообщения английского империализма с Индией. Но французы находились в политической зависимости от английского империализма. Америка не ратифицировала Версальского мира, ушла из Европы и защита этого мира целиком зависела от того, окажет ли Англия поддержку Франции. С другой стороны, Франция находилась и в полной экономической зависимости от Англии, ибо поддержка Англии решала вопрос, будет ли Германия платить по своим репарационным обязательствам. Французская угроза Англии из Сирии была поэтому чисто теоретической угрозой, „музыкой будущего", тогда как в данный момент раздела Турции англичане располагали громадным Средиземным флотом, значительно превышающим силы Франции, и имели возможность доставлять войска из Индии в Месопотамию через Багдад. Господствуя над Турцией политически, англичане сумели обеспечить себе и экономическое господство.

Несмотря на то, что тайный договор 1916 года между Англией и Францией *отдавал залежи Моссульской нефти в руки Франции*, французы в 1920 году в Сан-Ремо отказались от своих прав, и Моссуль перешел в руки Англии. Нефть, которая перед войной имела, прежде всего, коммерческое значение, сделалось, с момента распространения Дизелевских моторов во флоте, главным техническим фактором военного флота. Без нефти не могут также развиваться ни автомобильная промышленность, ни авиация. Обе эти отрасли промышленности сыграли такую роль в войне, что на торжестве, устроенном в Лондоне после перемирия с Германией, Лорд Керзон произнес исторические слова: „на берег победы вынесла союзников волна нефти". Моссульская нефть округляла нефтяные владения Англии у Персидского залива. Захват ее был одним из громад-

нейших военных успехов Англии. Передавая в руки последней Моссульскую нефть, договор в Сан-Ремо обязывал ее уступать Франции по рыночным ценам только 25% продукции. Эта победа Англии была результатом не только вышеобрисованного зависимого положения Франции, но и результатом военного нажима. Англия начала вооружать против своего союзника, Франции, короля Фейсала, который с английским оружием в руках принялся вытеснять французов из Сирии. Только за согласие Франции пойти в полную нефтяную кабалу к Англии, делавшую в будущем неизбежным дальнейшее усиление зависимости Франции от Англии, Англия согласилась отказаться от поддержки Фейсала. Франция, лишенная нефти, не в состоянии более вести войны иначе, как при сочувствии Англии, если только она предварительно не заручится поддержкой другой нефтяной державы—Америки.

Вторым козырем в руках Англии в ее политике экономического захвата Ближнего Востока явились старые отношения английского капитализма к греческому. Греция располагает на Ближнем Востоке сравнительно сильным торговым капиталом. При слабо развитом капиталистическом хозяйстве, Греция издавна имеет торговый флот и громаднейшие коммерческие связи на Ближнем Востоке, более сильные, чем связи армянских купцов. В прошлом английский торговый капитал проникал в Малую Азию по греческим каналам. В этом— экономическая база английского филэллинизма. Отдавая Смирну в руки греков, англичане на деле передавали ее в руки своего торгового аппарата.

Однако, шкура медведя была разделена в Севре раньше, чем медведь был убит. Хотя главными кадрами, главной силой, на которую опиралось восстание Кемаль-Паши, начавшееся в 1919 году, была старая организация младо-турецкой партии, Кемаль-Паше пришлось переменить вывеску, потому что после военного поражения младо-турецкая партия потеряла популярность в народных массах. Да и уже во время войны эта партия, сделавшаяся партией армейских поставщиков, спекулянтов, наживающихся на войне, партия, которая, не успев сделаться капиталистической, успела усвоить себе все пороки капитализма, — обанкротилась в глазах народа. Однако, формальный разрыв между Кемаль-Пашей и этой партией ничего не менял по существу дела, так как Турция не располагала другими силами, способными

организовать защиту страны, кроме элементов, на которые опиралась эта самая младо-турецкая партия. Этими элементами были военнослужилые слои, являющиеся представителями деклассированного, потерявшего связь с землей, дворянства и слои старой бюрократии, происходящей из того же дворянства, но заключающей в себе некоторую примесь народных элементов. Дело в том, что в старой Турции энергичным выходцам из низов легко было пробиться в ряды господствующей олигархии (достаточно для примера указать на то, что великий визирь Талаат-Паша, один из самых энергичных и умных руководителей турецкой политики, был раньше телеграфистом; он—сын железнодорожного рабочего). Да и в армии многие командные должности занимались выходцами из низов. Все это давало возможность достаточно гнилой верхушке турецкого народа втягивать новые силы в дело государственного строительства. Таковы были те силы, которыми располагал Кемаль-Паша для организации защиты страны. Тот факт, что ему удалось организовать ее после многих лет непрерывных войн, длившихся с 1909 года и в конец разоривших турецкое крестьянство, об'ясняется историческим прошлым турецкого народа. Господствуя издавна на Юго-Востоке Европы, турки обладают большими военными традициями, особенно сильными в Анатолийском крестьянстве, отличающемся любовью к своей стране и готовностью ее защищать. Кроме того здесь стоял вопрос о порабощении магометанского Востока христианским Западом.

В 1920 году Турция начинает деятельно организовывать свои военные силы и одновременно искать себе союзников в предстоящей тяжелой борьбе. Еще в 1919 году, когда мы были отделены от Турции фронтами: Деникинским, Закавказским, Грузинским, муссаватистами и дашнаками, правительство Кемаля и турецкие эмигранты начали искать связей с Советской Россией. Это несомненно свидетельствовало о политической дальновидности турок, так как то был самый тяжелый для Советской России момент, когда Деникин находился под Орлом, а Юденич у Петрограда. В сентябре 1919 г. начинаются переговоры представителей Турции с советскими представителями в Берлине. Одновременно с этим Советской России удается установить непосредственную связь с Турцией через Деникинский фронт и

начать с ней переговоры о будущей совместной борьбе против Антанты. Эти переговоры закончились мирным договором от апреля 1921 года. Разумеется, Советская Россия не делала себе никаких иллюзий относительно социального характера правительства Национального Собрания в Ангоре. Она великолепно знала, что это не только не рабоче-крестьянское правительство, но даже и не национально - буржуазное правительство, носитель буржуазной революции. Она знала, что это правительство военного офицерского слоя, поддерживаемого бюрократией. Но вместе с тем Советская Россия знала, что война везде вызвала глубокие изменения в народных массах и что это случилось также и в Турции. Аграрная разруха, расшатавшая окончательно не только крестьянское хозяйство, но и в корне ослабившая старый, не крепкий помещичий слой в Турции, выдвинула в Турции на первый план, как вопрос будущего,—крестьянский вопрос, который является там не столько вопросом нового наделения крестьян землею, сколько вопросом уничтожения остатков крепостничества в податной системе и пробуждения крестьян к политической жизни. Выходцы из крестьянской среды: народные учителя, молодые офицеры, крестьянская интеллигенция,—все это демократические элементы, на которых покоится будущее страны. Отказываясь от старой империалистической политики по отношению к Турции, Советская Россия знала, что она таким образом кладет фундамент для будущего союза двух народов. Советское Правительство знало, что нынешние вожди Турции могут сто раз сделать попытку войти в наиболее выгодную сделку с теми, кто даст им больше—с могучими мировыми капиталистическими державами, но оно знало также, что если в бюрократической и военной клике есть много продажных элементов, то турецкие народные массы не потерпят обмана по той простой причине, что всякая сделка с Антантой будет заключаться за счет этих самых масс. Поэтому, относясь совершенно трезво к всевозможным дипломатическим колебаниям различных клик, Советская Россия видит в поддержке борьбы Турции за национальную независимость свой долг с точки зрения развития мировой революции, победа которой невозможна без поддержки со стороны крестьянских масс Ближнего и Дальнего Востока, являющихся жертвой хищнического мирового империализма.

Когда Кемаль-Паша поднимал свое восстание, союзники смотрели на него, как на атамана разбойничьей шайки. Еще весной этого года английское правительство отказалось принять представителей Кемаль-Паши и вступить с ними в переговоры. В первых числах августа Ллойд Джордж произнес в парламенте большую речь о политике Англии на Ближнем Востоке, явившуюся перепевом старых речей Гладстона. Но у английского империализма не хватило сил привести в исполнение свои угрозы. Франция, отказавшаяся в Сан-Ремо от моссульской нефти, сделавшая уступку Англии на Ближнем Востоке, увидела теперь, что этим она не купила полной поддержки со стороны английского правительства в ее европейской политике. Руководясь своими торговыми интересами, Англия хотела щадить Германию, требовала восстановления Германии, как покупателя изделий английской промышленности. Получив от Германии все, что ей было нужно, уничтожив ее военный флот и отняв торговый, Англия увидела, что она позволила Франции зайти слишком далеко в победе над Германией. Англии нужно было восстановить до некоторой степени политическую мощь Германии, чтобы воспрепятствовать безраздельному господству Франции на континенте. Поэтому английская политика по отношению к Версальскому миру состояла в том, чтобы, не отрицая Версальского договора на словах и защищая всегда его букву, на деле удерживать Францию от нажима на Германию или, во всяком случае, протестовать против такого нажима для того, чтобы создать себе в Германии славу ее защитника, славу ангела мира. Со своей стороны Франция, видя увядание Версальского договора, искала средств нажима на Англию, искала козырь, который при случае можно было бы продать Англии.

Когда Франция убедилась, что Кемаль-Паша, при помощи Советской России, в состоянии вести защиту страны, она начала переговоры с Турцией. Франклин Буйон приезжает, как представитель французского правительства, в Ангору и заключает с Турцией договор, по которому Франция не только *выводит свои войска из Киликии*, но и оставляет их оружие и снаряжение в руках кемалистов. Мало того: Франция начинает доставлять Турции оружие. Как утверждают англичане, в заключенном Франклином Буйоном договоре имеются секретные пункты об обязательстве Франции не препятствовать Турции в том случае, если последняя попыта-

ется отвоевать Моссуль, занятый англичанами. За Францией идет Италия, принуждаемая пойти на сделку с Турцией из опасения усиления Греции, как Средиземно-морской державы. Благодаря этому выгодному положению, т. е. союзу с первой революционной державой, Россией, с одной стороны, и соглашению с Францией и Италией, с другой,—Турция настолько усиливает свою позицию, что в марте этого года союзники по собственному почину устраивают конференцию в Париже для пересмотра Севрского договора, предлагая Турции открыто возврат Константинополя и замаскированно—возврат Смирны. Турция отклоняет это предложение. Тогда Греция пытается организовать одно наступление за другим. Обильно снабженная английским оружием, она ведет свое первое наступление столь удачно, что греческие войска доходят почти до Ангоры и турецкая армия принуждена отступить вглубь страны. Наступает пауза, в течение которой греки организуют второе наступление. Но тем временем турецкая армия берет инициативу в свои руки, и наступление ее приводит к полному разгрому Греции.

Военная победа Турции подвела ее вплотную к основному политическому вопросу, вопросу о существовании Турции, как великой державы. Был побежден вассал Англии, Греция, но не была побеждена сама Англия. Когда несколько времени тому назад встал вопрос о том, сделает ли Кемаль-Паша попытку форсировать проливы, чтобы двинуться во Фракию, то вопрос этот был, с одной стороны, актуальным военным вопросом, а с другой стороны—политическим вопросом возможности для Турции начать теперь новую войну с Англией. С точки зрения военной техники задача захвата проливов была вполне разрешима. Силы Англии на азиатском берегу Дарданелл были невелики (всего 8.000 человек), и англичане в Чанаке были окружены кольцом турецких войск. Нет сомнения, что если бы Турция приступила к военным действиям против Англии, то она захватила бы эти войска в плен или сбросила их в море. Только с большим трудом английский флот может маневрировать и сражаться в проливах. Опыт войны показал, как флоту вообще трудно бороться против береговой артиллерии. Турция располагает теперь достаточным количеством французских и итальянских аэропланов, чтобы бороться с английским флотом и путем операций в воздухе. Однако, все эти соображения решали вопрос

только с точки зрения военной техники. Турция же, повидимому, учла вопрос не статически, а динамически: *если Англия в данный момент не в состоянии дать отпор, то не подлежит ни малейшему сомнению, что английский империализм сумел бы, спустя некоторое время, начать военные действия с силами, превосходящими силы Турции.* Оппозиция части либералов против политики угрозы войной, как она велась Ллойд Джорджем и проявилась в его телеграмме от 16 сентября и в приказе сэру Гаррингтону, военному комиссару Англии—пред'явить Турции ультиматум,—эта оппозиция не представляет из себя реальной силы. Разумеется, английские рабочие массы и английская буржуазия чувствуют страшную усталость от войны и, если бы дело шло о каком-либо голосовании, то новая война была бы теперь абсолютно невозможна. Но Ллойд Джордж, большой демократ на словах, израсходовал в первые дни кризиса на Ближнем Востоке 200 миллионов золотых рублей, не спросившись у парламента и не созывая его. Глава английской меньшевистской Рабочей Партии Рамсай Макдональд пишет со слезами на глазах в № 1 нового журнала этой партии „New Leader", что если Ленин разогнал Учредилку, то Ллойд Джордж поступает более вежливо: он просто считает, что английский парламент вообще не существует. Однако, если бы Англия ввязалась в войну, то нет сомнения, что перед лицом этого факта английская буржуазия стала бы на сторону правительства и не только потому, что на карту были бы поставлены ее большие и серьезные экономические интересы, но и благодаря высоко развитому классовому сознанию английской буржуазии, для которой фракционные интересы умолкают перед классово-государственными.

Борьба за проливы окутана романтизмом, коренящимся в их вековой истории. Правда, с момента прорытия Суэзского канала проливы потеряли в своем общемировом значении, так как Константинополь перестал быть центром торговли на юго-западе Азии, но их значение для будущих отношений Англии к России и Турции громадно. Англия не в состоянии бороться на суше против России. Россия же может угрожать Англии, являясь ее соседом в Азии, где она отделена от Англии только пространством, а не государственно организованной силой. Она является соседом Англии в Индии, отделенной от России только узкой плотиной Афганистана, является ее соседом через

Персию, куда России во много раз легче, чем Англии, подвести свои сухопутные силы. В случае войны между Англией и Россией в Средней Азии, Россия будет иметь вполне обеспеченный тыл, что является решающим фактором военного успеха, Англия же будет вынуждена считаться с национальными революционными стремлениями народных масс в Индии и Персии, и попадет в такое положение, что легко может быть принуждена бороться на два фронта. Поэтому то, для Англии наиболее важным вопросом является возможность употребить против России тот военный фактор, в котором она имеет громадный перевес: флот. Вопрос о проливах, это для Англии вопрос возможности грозить России с юга, блокировать ее. Вместе с тем это вопрос о том, сумеет ли Англия держать Турцию под угрозой войны. Кто имеет в своих руках проливы, тот располагает громадным средством давления на будущую Турцию. Мира с Турцией Англия еще не заключила. Зная великолепно, чего она хочет от Турции, зная, что заключение этого мира дело не легкое, Англия не отказывается от требования капитуляций и финансового контроля по отношению к Турции. Если против этого требования Турция боролась еще перед войной если первым актом турецкого правительства после об'явления войны было уничтожение режима капитуляций, то теперь Турция, охваченная национальным воодушевлением, Турция победоносная, не может примириться с режимом капитуляций. Требование финансового контроля над Турцией, как условия предоставления кредит, также встретит сильный отпор, ибо Турция имеет в свои руках природные богатства, за которые она может получить кредит и без финансового контроля. Она имеет прежде всего нефть, значение которой, можно сказать, открыто войною. И если даже Англия удержит за собой проливы, то этот захват может быть прочным лишь при условии сокращения турецкой армии до минимума. Опыт войны показал, что английскому флоту трудно бороться с сухопутной армией. Авиационные базы, даж расположенные в глубине страны, оказываются мощным средством давления против флота. Поэтому, одни из требований, которое в мирных переговорах выдинет Англия против Турции, явится требование значительного сокращения турецкой армии. Это требование имеет большое значение для Англии не только в связи с вопросом о проливах. Армения, которая должна была бы вассалом Англии и своего рода кре-

постью, охраняющей английские позиции в Месопотамии, находится теперь отчасти в Советских руках, отчасти в руках Турции. Англия может бороться за Месопотамию, только базируясь на Персидский залив, где, несмотря на работу английского фунта, она имеет против себя туземные племена. Уменьшение турецкой армии есть уменьшение опасности, угрожающей нефтяной позиции Англии.

Держать в своих руках проливы важно для Англии не только по отношению к России и Турции, но и по отношению к Франции и Америке. Когда Франция в 20-м году на основании тайного договора в Сан-Ремо передала нефтяные позиции в руки Англии, то Америка повела против этого самую решительную борьбу. Добыча нефти в Северо-Американских С. Ш. составляет около 70% мировой добычи, но и потребление Америки выше, чем потребление во всех остальных странах мира, вместе взятых. Колоссальное развитие автомобильной промышленности в Америке, развитие употребления дизелей вызывает громадное потребление нефти. Американское правительство заглядывает далеко в будущее. После договора в Сан-Ремо оно подсчитало, что Америке хватит нефти только на 17 лет, что по истечении этого срока запасы ее в Америке будут исчерпаны. Английское правительство, работающее рука об руку с голландским нефтяным синдикатом „Рояль Детч и Шелль", захватило в свои руки не только моссульскую, но и персидскую нефть, заручившись одновременно тем, что во всех французских колониях,—на Мадагаскаре и в других местах—залежи нефти будут разрабатываться Шеллем. Мало того, сделка с Рояль Детш дал Англии почти полную монополию и на Голландских островах, право на разработку крупных залежей нефти в Джамисе. Поэтому американское правительство кричит на весь мир о том, что вся нефть будет отныне находиться в руках Англии и Англия сделается мировым монополистом. Американское правительство начинает борьбу против будущей английской монополии. До сих пор эта борьба велась дипломатическим путем, путем нажима на Англию, чтобы заставить ее открыть Америке возможность эксплоатации нефтяных залежей в колониях Англии, Голландии и Франции. Англо-американской сделки еще нет, и победа Кемаля-Паши, ставящая договор Сан-Ремо под знак вопроса, дает Америке и Франции основание поднять вопрос о новом распределении нефти. Разумеется,

многое в этих переговорах будет зависеть от того, сумеет ли английское правительство держать Константинополь под жерлами судовых орудий английского флота.

Ближне-Восточный узел еще не распутан дипломатией и не разрублен мечем.

Ближне-Восточный кризис принимает затяжной характер не только потому, что будет сопровождаться скрытой борьбой в лагере союзников, которые, устанавливая внешний единый фронт при дипломатических переговорах с Турцией, на деле будут бороться друг с другом; он будет затяжным прежде всего потому, что нельзя исключать Советскую Россию при решении этого вопроса. В течение этого кризиса Советская Россия не бряцала оружием, не угрожала, что будет защищать немедленно с оружием в руках свои интересы в проливах. Она могла занять абсолютно спокойную позицию и защищать свои интересы одними только дипломатическими средствами, потому что за Советскую Россию говорит вся логика положения. Всякий договор, ею неподписанный, позволяет ей поднять спорные вопросы в тот момент, когда ей это будет удобно и когда она в состоянии будет это сделать. Чтобы поднять эти вопросы в самой решительной форме, она может выждать момент обострения кризиса в Европе, кризиса в Азии. Если и неправильно утверждать, как это делают многие не-военные на основании внешнего впечатления от уроков войны, что линейные корабли потеряли всякое боевое значение, то с другой стороны не подлежит ни малейшему сомнению, что на столь ограниченном поле действия, как Черное море, подводный и воздушный флот являются факторами решающего значения. При всей своей бедности Россия может запастись этими средствами защиты. Как и в вопросе об электрофикации, перевес здесь находится на стороне молодых стран. Странам, где громадные капиталы вложены в железные дороги с паровыми двигателями, трудно перейти к электрофикации железных дорог, ибо это означало бы уничтожение громадных, еще не амортизированных капиталов. В странах же, где сеть железных дорог с паровыми двигателями мало развита, электрофикации не приходится бороться с противодействием значительных прежних интересов. В соответствии с этим и те страны, которые вложили миллиарды в флот из дредноутов, являются противниками развития подводного и воздушного флота, чтобы не вывести из строя старые

орудия борьбы, в которые вложены громадные капиталы. Поэтому Англия является в значительной мере противником как подводного, так и воздушного флота. В области военной авиации она уступила первенство Франции, а теперь пытается задержать рост подводного флота. Все новые страны, несмотря на их бедность, имеют возможность развивать свой подводный и воздушный флот. Правда, Советская Россия теперь еще не в состоянии сказать, что она фактически закладывает фундамент нового флота для защиты русских интересов. Но она может сказать нечто, значение чего может оценить всякий, переживший войну. Она может заложить основу этого флота *политически*. Если вспомнить историю русского флота, то окажется, что хотя он и не был воздушным, он висел в воздухе, будучи игрушкой царедворцев. Несмотря на громадную работу над воссозданием русского флота после русско-японской войны, интересы флота не встречали никакого сочувствия в народных массах России. В то время, как в Англии флот являлся предметом гордости даже для английского углекопа,—этот факт нужно признать,—в России такого отношения к флоту не было. Это об'ясняется тем, что для пензенского мужика не существовало бакинской нефти, а для тамбовского или украинского крестьянина туркестанский хлопок не имел никакого значения. Гражданская война и разруха научили широчайшие массы Советской России понимать, что потеря Баку, как базы нефтяной промышленности, потеря Туркестана, как базы текстильной промышленности, угрожала бы теперь опасностью закабаления России капиталистическим государствам. Поэтому красноармеец с воодушевлением отстаивает Туркестан, борется за Баку. Пролетарская революция пробудила гражданское сознание в массах рабочих и крестьян. Она показала, что, защищая страну в продолжении пяти лет, выведя ее вооруженной рукой из окружения лесом штыков, она является гегемоном нации, защищает и будет защищать ее будущее. И она может сделать это в полном сознании того, что борьба Советской России за укрепление ее международного положения есть борьба не за националистические привилегии, а борьба за существование первого государства, выдвинутого победоносной революцией, государства, от мощи которого зависит ускорение освобождения рабочих других стран и освобождения человечества. Тот факт, что

Союз Коммунистической Молодежи, организация воспитывающая будущее поколение, которое завершит дело Октября и будет руководить борьбой за восстановление и развитие России, берет на себя шефство над флотом, показывает, что Советская Россия хочет и может найти в народных массах те рессурсы, какие нужны ей для того, чтобы империалистические державы не смели пытаться решать вопросы жизненного значения для будущего развития России без России и вопреки России.

Убеждение, что логика развития работает за Советскую Россию, растущее сознание народных масс, создает у нее твердое убеждение, что принятое без нее или против нее решение Ближне-Восточного вопроса будет ею перерешено. Кризис на Ближнем Востоке может окончиться тем или иным компромиссом на ближайшие месяцы. Но в существе своем это затяжной кризис, кризис на многие годы, который явится исходным пунктом развития народных масс Ближнего Востока. Если турецкий крестьянин, увидев новую пушку, говорит: „Москва", значит он чувствует, что русский народ, прежний враг Турции, посылает ему помощь. Этим создаются условия будущего союза турецких народных масс с крестьянскими и рабочими массами России. Когда мелкие людишки из лагеря международного меньшевизма говорят нам, что Турция продаст Советскую Россию, что мы окажемся в дураках, то Советская Россия может ответить им, что она доверяет не тем или иным националистическим партиям, а потоку исторического развития, которое об'единяет народные массы всех стран, находящихся под угрозой империализма.

Как бы, однако, ни разрешился ближне-восточный кризис, ясно одно: Севрский договор разорван в клочки турецким оружием. Против Версаля двинулись народные массы Бл. Востока, которые в глазах Антанты были даже не пешками, а только пылью человеческой. Сейчас они начинают играть громадную роль. Среди тех, которые хотели на тайной конференции определить ход истории Востока, царит глубочайшее расхождение интересов. Англия пережила одно из величайших в своей истории унижений, когда после поражения своего вассала Греции, она не посмела оказать ей вооруженную помощь и когда она, провозгласив смертный приговор над Турцией, принуждена была льстить Турции, приглашать ее в почтенную Лигу Наций. Этот факт является

самым непререкаемым доказательством ликвидации Севрского договора на Ближнем Востоке. Народные массы, находящиеся на низкой ступени развития, можно держать в положении рабов только тогда, когда рабовладельцы об'единены, а не тогда, когда они борются друг с другом. Когда рабы видят, что рабовладельцы трепещут, они восстают. И Восток, который видит теперь трепет английского империализма, — этот Восток уже не Восток Севрского договора. Отголоски победы Турции раздаются в Индии и во всем мусульманском мире. Их эхо является лучшим доказательством того, что это *победа мировой революции*, хотя организаторы победы не революционеры в современном смысле этого слова. Когда в 1905 году на Дальнем Востоке царская Россия была разбита молодым только что окрепшим японским империализмом, то широкая волна энтузиазма охватила все народы желтой расы, которые до того времени считались навозом человечества и которые хотят быть частью человечества. Их охватила радость потому, что победа военной юнкерско-капиталистической Японии над царским правительством была революционной победой. Она сделалась исходным пунктом развития революции в Китае, где трехсотмиллионный народ после этой победы сказал себе: „и я могу победить!“ Эта победа дала толчек революционной борьбе в Индии, где сотни миллионов человек в первый раз посмели поднять руку против Англии. Она была исходным пунктом революционных волн, которые еще не докатились до берега, а усиливаются все новыми, и новыми волнами. Такие же последствия будет иметь и победа турок. Поэтому мы смотрим на эту победу с чувством искренней радости, как пролетарские революционеры, которые ведут свой корабль по фарватеру революции и видят, что по тому же пути движутся крестьянские массы Востока, встающего на бой с капитализмом.

V. Борьба за Тихий Океан.

Ликвидация Версальского договора на Дальнем Востоке началась в прошлом году с *Вашингтонской конференции*. Ее движущие силы определяются всем соотношением экономических и политических интересов и военных возможностей на Дальнем Востоке. Для понимания того, что происходит теперь на Дальнем Востоке нужно вспомнить в главных чертах, каковы были соотношения сил перед войной и какими сделала их война в тех областях мира, где сосредоточены величайшие будущие интересы мирового капитализма и где лежит центр тех крупных конфликтов и потрясений, которые придется выдержать в ближайшем будущем не только капиталистической, но, быть может, и социалистической Европе. Еще в 1851 году, после открытия золотых рудников в Калифорнии, Маркс писал, что центр развития человечества передвинулся к Тихому Океану. Характерно, что в то же время великий русский синолог *Васильев*, не имевший никакого понятия о Марксе, развил те же самые перспективы в своем труде „Открытие Китая". В то время это еще были только перспективы, хотя разумеется, достаточно обоснованные, так как дальнейшее развитие западного побережья Америки—Калифорнии—и развитие Китая должно было необычайно повысить значение Тихого Океана. В продолжение истекших 50-ти лет история человечества, шла, повидимому, по старым рельсам, проложенным вокруг Атлантического Океана. Англия оставалась главнейшей капиталистической державой в Европе, но вместе с тем не было никакого сомнения, что предсказанные Марксом и Васильевым перспективы осуществлялись с каждым днем.

Переход старой феодальной *Японии* на рельсы капитализма, страны, которая сумела понять историческую необходимость взять в свои руки руководство капиталистическим развитием Дальнего Востока, создал

современную Японию. Уже в XVII-м столетии Япония пыталась захватить Китай, понимая, что там лежит ее будущее. Поход великого Ходеяши в XVII столетии должен был бы занять в истории человечества бесконечно более значительное место, чем все походы Ксеркса против Греции. Мы, однако, настолько привыкли рассматривать историю человечества, как историю белой расы, что все эти глубочайшие процессы развития в жизни народов Индийского и Тихого Океанов ускользнули от нас, и только теперь начинают входить в наше сознание, как составная часть наших знаний о развитии этих народов. Модернизированная капиталистическая Япония понимала, что условием ее преуспеяния является обеспечение за ней того, что служит главным источником капиталистического развития. Она понимала, что не имея ни угля, ни железа, она будет находиться в зависимости от других капиталистических держав. Мы видим, поэтому, как с самого начала 80-х годов взоры Японии обращаются к Китаю, так как Япония, несмотря на все свое капиталистическое развитие, крайне бедна, не имея у себя ни одного фактора современного капиталистического развития. Ей не достает, несмотря на колоссальный прогресс земледелия, главного средства питания народных масс: риса, ей не достает также железа, угля, нефти и хлопка. В 1894 году Япония побеждает слабые военные силы Китая. Но Шимоносекский мир, навязанный ей Францией, Россией и Германией, отбрасывает ее от Китая и отнимает у нее плоды победы. Рассчитанная на десятилетия, японская политика ведет наступление одновременно по всем направлениям, в которых японский империализм мог бы в конечном итоге одержать победу. Она стремится к захвату Китая для того, чтобы китайские рабочие добывали в копях Шандуня и Янгтце уголь и железо. Одновременно она движется на юг к Тихоокеанским островам, так как растущее население Японии не находит себе, по климатическим условиям, подходящего места ни в Китае, ни в Сибири. Это движение Японии по направлению к Тихому Океану имеет одновременно и стратегический характер, так как Тихоокеанские острова являются базой защиты Китая против Америки и Англии. Опираясь на них, Япония может завоевать Китай, отрезать его от Америки и закрепить его за собой. Русско-Японская война дала Японии Лиаотунг и Южную Манчжурию,

она закрепила за нею Корею и открыла, таким образом, возможность подготовлять захват Северного Китая; Южный Сахалин, который Япония получила по Портсмутскому миру, дает Японии базу, превращающую Владивосток, если только он не будет укреплен, как первоклассная крепость, в предмет легкой добычи для Японии. Эти первые шаги японской политики были удачны, благодаря той поддержке, которую эта молодая империалистическая держава нашла у Англии. Борьба России с Англией за Среднюю Азию, угроза Индии со стороны России,—все это толкало английское правительство на сделку с Японией, и когда в 1902 г. был заключен англо-японский договор, Япония вошла в семью капиталистических держав, как признанная империалистическая держава. Это обеспечивало за ней не только финансовую поддержку со стороны английского капитализма, но и техническую помощь со стороны Армстронга и Виккерса, и давало возможность победы над Россией. Когда русская опасность миновала и английская политика очутилась лицом к лицу с Германией, японский договор, возобновленный в 1912 году, принял совершенно другой характер. Не будучи больше направлен против России, от которой Япония получила почти все, чего добивалась—кроме контрибуции,—этот договор давал Японии надежду на захват Киао-Чау, Германской колонии в Китае. Это значило, что Япония, обеспечив за собой Японское море, сделав его своим внутренним морем, могла надеяться на господство и в Желтом море, в преддверии к Пекину. Получая вексель на Шандунь, она получала надежду и на то, что будет господствовать над столицей Китая. Япония, вошедшая в мировую войну очень осторожно, отказывается от всяких военных затей сейчас же после того, как она с незначительными потерями захватила Киао-Чау. Она щадит свои силы для будущих столкновений. Она противодействует всеми силами вступлению Китая в войну на стороне союзников, чтобы помешать ему сделаться из об'екта ее захватнической политики равноправным союзником. В 1916 году Япония пред'являет Китаю известные 21 условие, по которым в руки Японии должны были перейти все главные шахты и залежи угля и железа в центре Китая, финансовый контроль, руководство над созданием армии и целый ряд мелких железнодорожных веток. Если взять карту Китая, то можно видеть, что эти железные дороги позволили бы япон-

ской армии охватить Китай кольцом с Севера и Запада, перебросить войска из Манчжурии и Шандуня на юг, вглубь Китая и захватить все его рессурсы. 21 условие Японии—это японская программа-максимум на Дальнем Востоке, это—программа превращения Китая в Японскую колонию. Главнейшим противником этой программы явилась Америка, ведущая против Японии самую решительную борьбу,—пока дипломатическим путем. Америка прекрасно понимает, что экономический захват Китая Японией, т. е. переход в японские руки целой страны, имеющей и уголь, и железо, и нефть, и рис, и хлеб, и хлопок, располагающей самой дешевой в мире рабочей силой, означает сосредоточение в руках Японии таких источников экономического развития, которые сделали бы из Японии, при помощи иностранного капитала, за ближайшие 50 лет решающую политическую силу в мире. Пока шла война, Америка могла бороться против захватнических тенденций Японии только дипломатическим путем. Америка, не решаясь на схватку с Японией, пока шла мировая война и она могла быть втянута в нее, шаг за шагом саботирует политику Японии, заключая при этом с нею договор—договор Лансинга-Иши,—который на словах признает специальные интересы Японии в Китае. Японские политики прекрасно понимали, что победа союзников и Америки может уничтожить всю работу Японии в Китае. С того момента, как сделалось ясно, что Америка вступит в войну, что она будет ангажирована в Европе, Япония пытается перекинуться на другую сторону и входит в тайные переговоры с Германией. Эти переговоры начинаются в 1916 году и продолжаются в 1917. Их целью является сепаратный мир Японии с Германией и России с Германией, так как Россия перестала представлять опасность для Японии. Японо-германская политика стремится к созданию союза германского кайзера, русского царя и японского микадо, союза трех государств, где бюрократия, юнкерство совместно с самыми богатыми слоями буржуазии держат в своих руках власть и дают направление политике. Если бы этот союз осуществился, то изменилась бы вся картина мировой политики. Переговоры тянулись черезчур долго. Япония не решалась. За это время произошел переворот в России. Царизма уже не было. Проблема осложнилась тем, что теперь для осуществления этой программы теперь нужно было победить русскую револю-

цию. Это еще более затянуло переговоры и когда, наконец, был заключен предварительный тайный договор в Стокгольме, находящийся в наших руках, договор, в котором предварительным условием была поставлена победа над Советской Россией соединенными силами Японии и Германии,—германский империализм был уже разбит, а Япония находилась с империалистической точки зрения в катастрофическом положении, живо напоминающем нам историю германского империализма: в состоянии полнейшей дипломатической изоляции. Во время Версальских переговоров Японии удается путем нажима, путем угроз принудить союзников не считаться с Китаем, не ставить китайских требований на обсуждение. Однако, сама она получает только Шандунь и ряд тихоокеанских островов на север от экватора.

После заключения Версальского договора, в продолжение 1919, 1920, 1921 годов начинается работа американской дипломатии, пытающейся ликвидировать позицию Японии, как державы, первенствующей на Дальнем Востоке. Америка только в 1916 году начинает строить свой громадный флот, который в 1924—26 годах должен стать сильнее английского. Эта морская программа, на выполнение которой Америка израсходовала 3½ миллиарда долларов, является для Америки главным средством давления на Англию. Англия—союзник Японии, и первая задача Америки состоит в том, чтобы уничтожить англо-японский союз, изолировать Японию. Между тем Америка строит корабль за кораблем, и Англия видит, что это уже не шутки. Тогда Америка выступает с предложением устроить конференцию в Вашингтоне для решения вопроса об ограничении вооружений. Политический смысл американского маневра был прост. Америка действительно могла продолжать вооружения. Хотя у нее финансовые затруднения, на которые уже было указано, но она все-таки имеет достаточно средств для того, чтобы поставить английский флот на второе место. Состояние финансов Англии не позволяет ей увеличивать расходы на морские вооружения, и действительно после окончания войны она уже не строит новых судов. Поэтому Америка поставила перед Англией вопрос: „если вы согласитесь изолировать Японию, то мы откажемся от нашей большой судостроительной программы и облегчим ваше положение". Тот отклик, который это предложение встретило в Англии, является главным симптомом происшедшей в

Англии перемены. В статье от 25 июля прошлого года, написанной при первом известии о Вашингтонской конференции, главный орган Английской торгово-промышленной буржуазии, орган Сити—„*Экономист*“ говорит с глубокой меланхолией: „в продолжении веков Великобритания была главнейшей морской державой, и в ее руках находилась охрана всех морей. В будущем Британия, Америка и Япония должны будут об'единить свои морские силы вместо того, чтобы вооружаться друг против друга, если мы хотим спасти мир от самой изнурительной, самой ужасной из всех войн—от продолжительной морской блокады“. И дальше говорится: „Соединенные Штаты являются теперь самой богатой и поэтому потенциально самой сильной державой в мире. Если они решили иметь самый большой флот в мире, флот сильнее нашего, то ничто не может помешать им сделать это. Если мы будем настолько глупы, что начнем соперничать с Америкой и строить флот против нее, то мы будем биты“. Англия поняла, что миновало время ее первенства на море. Если вспомнить, что в 1912 году, перед войной, когда английскии военный министр Лорд Эльден приезжал в Берлин для переговоров с Германией о взаимном ограничении вооружений для избежания войны, Германия предлагала Англии установить соотношение сил в 16 английских линейных кораблей на 10 германских и что Англия отвергла это предложение, так как оно давало ей слишком малый перевес; что она хотела, чтобы английский флот был по меньшей мере равен соединенному флоту двух любых держав,—если мы вспомним все это и заметим, что теперь *Англия не в состоянии конкурировать даже с одной только Америкой*, то происшедшая перемена положения выступит с полной ясностью. В виде уступки Англии Америка согласилась на то, чтобы американские и английские морские силы были равны. Америка отказалась от постройки новых линейных кораблей с политической целью изоляции Японии. Англия пошла на это соглашение, отказалась от роли владычицы морей, согласилась иметь флот равный американскому. Она пошла на это под давлением экономических затруднений и по настояниям своих колоний, солидарных с Соединенными Штатами Северной Америки в их антияпонской политике. Остается вопрос, почему Япония согласилась на то, чтобы при соотношении сил Англии и Америки как 5:5 ее

морские силы относились бы к морским силам каждой из этих держав порознь, как 3:5? Чтобы понять это, нужно с одной стороны учесть внутреннее положение Японии, а с другой—стратегическое соотношение сил на Тихом Океане.

Некоторые характеризуют внутреннее положение Японии, как прелюдию к социалистической революции. Это не верно. Внутреннее положение Японии ближе всего напоминает положение Англии в 1842 году, когда старая протекционистская политика аграриев привела к борьбе между торговым классом и дворянством за понижение таможенных ставок, за понижение цен на сырье и продукты массового потребления. Борьба между фритредерами, представлявшими интересы буржуазии, и крупными землевладельцами, связанными с финансовыми сферами, была основным элементом в социальном развитии Англии в первой половине XIX века. Одновременно с этой борьбой шла борьба фермера, земледельца-арендатора против тягот, которые навьючивали на него лендлорды, и широкой волной разливалось движение рабочих, которые только что начали реагировать на порожденные капитализмом каторжные условия жизни,—шло чартистское движение. В Японии мы имеем положение, целиком напоминающее это соотношение сил в Англии. Здесь происходит борьба между земельной аристократией, связанной с финансовой верхушкой и военно-морской кликой, возглавляемой партией Сеюкай, с одной стороны, и молодой торгово-промышленной буржуазией, руководимой партией Кенсекай, с другой, причем за буржуазией идет крестьянин-арендатор, угнетаемый и слишком высокой арендной платой, и дороговизной, и податями. И на фоне этой борьбы выростает широкое, неоформленное еще революционное движение. Если все это показывает, что в Японии идет покамест борьба буржуазии за государственную власть, то с другой стороны имеется глубочайшее отличие от положения в Англии в 1840—50-х годах. В Англии революционное рабочее движение было тогда побеждено, потому что открытие золотых россыпей в Калифорнии, развитие английских колоний дало огромный толчок промышленному развитию Англии и открыло возможность эмиграции. Гигантское развитие английской промышленности дало возможность настолько повысить заработную плату и так понизить цены на жизненные припасы, что английская

буржуазия смогла отбросить английский рабочий класс на 50 лет назад и сделать его классом, который за подачки со стола буржуазии отказался от своих исторических задач. Япония находится в другом положении, чем Англия, эта метрополия капитализма. Когда на континенте едва только начиналось экономическое развитие Германии, Франции и Бельгии, Англия имела уже громадные колонии, опираясь на которые имела возможность дешевого производства. Япония же имеет конкурентов в лице Америки и Англии, стран, которые экономически сильнее ее во много раз. Находясь в состоянии полной изоляции, японский империализм должен прежде всего искать себе выхода и пока он не найдет его, он не в состоянии улучшать положение своих рабочих. А это ведет к обострению борьбы буржуазии с пролетариатом. Исходя из этого, нужно смотреть на предстоящий период борьбы пролетариата в Японии не как на 1917 год, а как на период, напоминающий русский 1903 год, когда нарастали силы либеральных элементов, земцев, кадетов и т. д., когда одновременно с этим шла волна забастовок (ростовские события), подымалось крестьянское движение. Существование японского парламента и некоторой свободы печати ускорят развитие революционных сил. Поскольку господствующий класс Японии хочет удержать свое влияние и выиграть время, он должен пойти на уступки. Поэтому то Япония согласна сократить свои вооружения, которые поглощают 52% ее бюджета, соглашается увести свои войска из Сибири. Японское правительство ставит теперь своей целью борьбу с дороговизной, успокоение крестьян и рабочих, стремясь таким путем изолировать буржуазию. С другой стороны, делаются попытки успокоить ту же буржуазию путем уступок со стороны правительственной партии Сеюкай, создается „беспартийное правительство“ адмирала Като, который вел переговоры в Вашингтоне. Внутреннее положение Японии было одной из причин, заставивших Японию пойти на сокращение вооружений; другой, не менее важной, было стратегическое положение, в котором она находится.

Литература, освещающая стратегическое положение на Дальнем Востоке, дает вполне ясную картину. Эта литература тем ценнее, что авторы ее принадлежат к различным нациям и армиям. Сюда относятся: работа английского морского писателя Байватера об условиях

стратегической борьбы на Тихом океане и о развитии американского и японского флотов, работа американского морского офицера Нокса под заглавием „Исчезновение американского флота“ и интересная работа двух бывших офицеров русской армии, генерала Головина, бывшего начальника штаба 8-й армии Колчака, и адмирала Бубнова. Все эти работы приводят к следующим выводам: Англия и Америка имеют значительный перевес над Японией в числе линейных кораблей. Однако, в морской войне первостепенное значение имеет расстояние военных баз данного флота от места сражения. Все японские первоклассные военные базы находятся на расстоянии 500 или 700 морских миль от места будущего сражения, так что потерпевший аварию японский корабль может быть в течении одного-двух дней доставлен на буксире в док. Пловучие японские доки находятся под руками. Таким образом Япония в состоянии использовать свой флот так, как если бы он был фактически в три раза сильнее. Что касается Америки, то она вообще располагает очень малым числом баз. Из наиболее важных для борьбы в Тихом океане американских баз, одна база на Гавайских островах находится на расстоянии в 3350 морских миль от следующей базы на Филиппинах, которая явится первым об'ектом борьбы. В свою очередь эта последняя находится на расстоянии в 1500 морских миль от предполагаемого места морского сражения и не может быть достаточно сильно укреплена, так как там, по географическим условиям, нельзя оборудовать большой гавани. Таким образом, в случае войны, американский флот будет находиться в самых невыгодных условиях. Американские, английские и русские стратеги согласны в том, что пока американский флот, после об'явления войны, сосредоточит достаточные силы на месте сражения и обеспечит себя нефтью, углем и т. д., на что потребуется месяц времени, Филиппины будут захвачены Японией, и это случится уже на третий день. Если принять в расчет возможность совместных действий Англии и Америки против Японии, то нужно указать на то, что у Англии имеются очень сильные морские базы, а именно: одна в Сингапуре, а другая в Гонгконге, причем они удалены от места сражения меньше американских, но больше японских. Из этих двух баз одна—Гонгконгская—не вполне надежна: ее можно обойти с суши. Вот почему милитаристическая Япония пошла на переговоры с Сунят-

сеном, вождем южно-китайской революционной партии; она сделала это, чтобы заручиться поддержкой Юга против Англии (Гонгконга). Базой, вполне безопасной, может считаться только Сингапур. Если принять во внимание значение аэропланов и подводных лодок и то громадное количество мелких островов, которыми располагает Япония, то ясно, что она может беспрерывно беспокоить американский флот, прежде чем он появится на месте решительного сражения. Все эти соображения приводят писателей-стратегов к единодушному мнению, что Японию нельзя победить на море. Северные подступы к Японскому морю находятся в руках Японии, проход в Японское море с юга закрыт с того мемента, как Порт-Артур очутился в руках Японии. И если бы даже соединенный английский и американский флот ворвался в Желтое море, то доступ в Японское море был бы для него труднее, чем в Дарданеллы. Но Япония не имеет железа, угля, нефти, она располагает недостаточным количеством риса, и если Англия и Америка об'единятся, то они в состоянии будут *блокировать* Японию с моря. *Судьба японского империализма зависит от того, сумеет ли Япония в этом случае получать необходимые ей припасы сухим путем из Китая или из России.* Тут японская политика попала в тупик. Политикой захвата, политикой 21-го условия Япония создала против себя в Китае ненависть, об'единяющую все живые силы пробуждающейся к новой жизни китайской нации. Захватническая политика Японии в Сибири восстановила против Японии русский народ, и японская политика стоит теперь перед историческим решением: или японская буржуазия, победив аграриев и милитаристов, сумеет повести либеральную империалистическую политику, или Япония будет разбита по тем же причинам, по каким была разбита Германия. Поражение Германии в мировой войне обусловливалось многими причинами. Но главной причиной победы союзников над Германией было то обстоятельство, что старые юнкерские и аграрные слои Германии не были в состоянии создать политические, психологические предпосылки победы германского империализма. Если прочесть воспоминания одного из самых умных германских политических деятелей, адмирала Тирпица, то можно установить, что уже в первые дни войны он отмечает в своей записной книжке следующее: „мы будем разбиты, не-

смотря на первоклассную армию и флот, ибо у нас нет политического руководства". Прусская феодальная клика и ею ассимилированные буржуазные элементы не умели руководить политикой страны. Они позволили политически изолировать себя, хотя имели множество возможностей заключить союз не только с такими мертвецами, какими были старые Турция и Австрия. А внутри страны они сумели восстановить против себя не только пролетарские массы, но и другие слои населения, и в конце концов Германия была разбита. Японская буржуазия могла бы руководить развитием Китая, а на деле она восстановляет Китай против себя. Не подлежит ни малейшему сомнению, что она, зная Китай лучше чем западные капиталистические державы, являясь его близкой соседкой, могла бы получить от него добром и уголь, и железо. Она могла бы стать во главе движения желтой расы, ее борьбы за равноправие. Но японская военщина, привыкшая приказывать, знающая только разбой, восстановила Китай против себя. Для Советской России, как революционной державы, американский капитализм, как самый сильный, является более опасным врагом, чем японский. Отношение Советской России к борьбе японского и американского капитализма не предрешено. Она могла бы остаться нейтральной, и Япония могла бы через Владивосток получать все, что ей нужно. Для этого ей нужно было бы только отказаться от империалистического разбоя в Китае и в России. Руководящие слои Японии еще не решились на перемену своей политики и вряд ли на это решатся. Военщина дворянского происхождения не является классом, умеющим вести политику, основанную на взаимности и учете сил. Идея уступок японским народным массам ей чужда, так как по характеру своему она воплощает в себе самый варварский, самый необузданный период империализма. Сумеет ли японская буржуазия в близком будущем изменить эту юнкерскую политику,—неизвестно. Ясно только то, что господствующий класс Японии потрясен в своем основании. Он смущен, ищет новой политики, выводит поэтому свои войска из Сибири, начинает переговоры с Советской Россией. Но одновременно он приподнимает либеральную маску и полагает, что ему все-таки удастся украсть Северный Сахалин. Выдвигая с одной стороны лозунг незахватнической политики по отношению к Китаю, содействия ему, он с другой стороны

поддерживает Чанзо-Лина, этот оплот китайской реакции, и вызывает против себя враждебное чувство народных масс Китая. И, потеряв самоуверенность, поняв что нельзя бросаться в войну, даже имея стратегические шансы на победу, но без подготовки тыла, без обеспечения себя железом, углем, нефтью и хлебом,— японские империалисты ведут политику проволочки, и пошли поэтому на Вашингтонское соглашение.

Что же дало Вашингтонское соглашение? На этот вопрос было бы очень трудно ответить на основании одних газетных сведений. Стратегическая литература дает ответ и на это. *Америке удалось формально разбить англо-японский союз, но Америка еще не заключила союза с Англией, не заручилась ее поддержкой.* Это ясно вытекает из того факта, что и после Вашингтонской конференции осталось в силе разделение американского флота на Тихоокеанскую и Атлантическую эскадры. Если флот, который должен выступать как одна боевая единица, составлять административное и стратегическое целое и в качестве такового учиться маневрировать, для чего требуется его прикрепление к определенной стратегической базе, если этот флот разделен на две части, несмотря на то, что мог бы соединиться через Панамский канал, то это показывает, что нет еще англо-американского соглашения против Японии, что Атлантические морские силы Америки направлены против Англии. Вторым доказательством этого отсутствия англо-американского соглашения является то обстоятельство, что когда Япония потребовала, чтобы американцы отказались от укрепления Филиппин, Америка выдвинула, как встречное требование, чтобы Англия не укрепляла Гонгконга. Если бы существовало англо-американское соглашение, то Гонгконг был бы важной базою для самой Америки и она не требовала бы его невооружения в ответ на требование о невооружении Филиппин. Можно считать таким образом доказанным, что Америке удалось добиться формального уничтожения англо-японского договора ценою отказа от войны с Англией, но что с другой стороны Англия ничем не связана в случае будущей войны. Если до того времени не будет создан англо-американский трест, связывающий обе державы во всех мировых вопросах, то Англия будет играть ту же роль, какую играла Америка в европейской войне—то есть выжидательную. *Она вмешается в войну в тот момент и на той стороне, когда и на*

какой ей это будет выгодно. Америка теперь экономически наиболее сильная держава; ее флот также сильнее английского. И так как капиталистический мир стал теперь на путь соревнования и конкуренции, то Америка является потенциально наиболее опасным врагом Англии. Самым решающим вопросом всей мировой политики, вопросом, на который теперь нельзя дать еще положительного ответа, является: будет ли создан англо-саксонский капиталистический трест, военный и экономический, об'единенный трест Англии и Америки, или же между этими странами развернется политическое соперничество и начнется борьба именно потому, что они конкурирующие державы? Стоя перед этим вопросом, каждая из них пытается захватить в свои руки главные политические козыри, которые они могли бы пустить в ход друг против друга.

Четыре миллиарда долларов американских претензий к Англии это первый козырь Америки. Второй ее козырь—это возможность вооружить Францию против Англии. В Вашингтоне был поставлен вопрос об устаревших кораблях, ненужных Америке, и об ограничении числа линейных кораблей, но не было ограничено, несмотря на настойчивые требования Англии, число подводных лодок, которые Англия называла „пиратскими судами". Франция заявила что, подводные лодки являются средством защиты, и Англия поняла, что это значит. Вдоль всего пути, по которому идут суда с хлебом и сырьем для Англии, лежат опорные пункты и базы Франции. За Танжер, расположенный против Гибралтара, французы ведут борьбу. Против Мальты лежит французская Бизерта, против Суэца французы стремятся создать базу в Сирии. Французы находятся в Джибути у Адена, остров Мадагаскар, западный берег Африки—все это французские военные базы. При таком положении вещей французские подводные лодки смогут сделать то, чего не в состоянии была сделать Германия, не имеющая морских баз. В случае войны они смогут блокировать Англию. Если немецкие военные суда и подводные лодки должны были оперировать в треугольнике между Гельголандом, Вильгельмсгафеном и Килем, имея перед собою большое пространство, охранявшееся английскими подводными лодками, то французские военно-морские силы в Нормандии и Ламанше находятся только в нескольких часах расстояния от Англии. Борьба за самостоятельность Ирландии—это борьба

за то, будет ли существовать в тылу Англии военная база, не находящаяся в ее руках. Таковы главные козыри Америки против Англии.

Англия со своей стороны располагает возможностью поддержки Японии против Америки и Германии против Франции. Отношение Англии к России также во многом зависит от решения вопросов борьбы за Тихий океан.

При таком положении вещей можно сказать с уверенностью, что Вашингтонская конференция решила только один вопрос, вопрос отказа Англии от морского владычества. Все другие вопросы остались нерешенными. Япония уходит из Сибири, это—следствие Вашингтонской конференции. *Япония начинает борьбу за свою гегемонию на Дальнем Востоке в новых условпях.*

Приведенные факты являются ответом и на вопросо позиции Советской России на Дальнем Востоке. Несмотря на нынешнюю экономическую слабость Советской России, она является силой, которая может решить исход борьбы за Тихий океан. Если она войдет в анти-японскую коалицию, то это, разумеется, может привести сначала к тому, что Россия потеряет приморскую полосу, дающую ей выход к Тихому океану. Но в конечном итоге такая позиция Советской России неминуемо привела бы к поражению Японии, которая тогда могла бы быть отрезанной на суше от Европы, а, одновременно, на море блокированной Американским флотом. И вместе с тем, она была бы вынуждена вести борьбу и на суше. И, наконец, моральное значение России, как очага революции, поддержало бы, при непосредственном соседстве России и Китая в Туркестане и в Сибири, тот отпор, который дал бы Японии Китай. Являясь решающим фактором в возможной анти-японской коалиции, Советская Россия является, разумеется, решающим фактором и по отношению к Америке. Ее политика может определить исход борьбы, которая собирается разыграться на Дальнем Востоке.

Но само собой разумеется, Советская Россия определяет свою политику, исходя из интересов трудовых масс России и всего мира. Она не стоит принципиально ни на почве анти-японской, ни на почве анти-американской ориентации. Рост ее значения на Дальнем Востоке будет зависеть от энергии, с которой она будет защищать свои западные границы, и будет усиливаться с каждым днем. То решение вопроса о нефти, угле и железе на

Дальнем Востоке, в котором одну из главных ролей будет играть Советская Россия, окажется лучшим ключем к сердцам и карманам сильных мира сего в Америке, чем все дипломатические переговоры, чем все призывы к гуманности, чем все указания на то, что 150-миллионный русский народ никого не трогает, ни на что не посягает, а только хочет жить.

В условиях, где новые группировки только начинают выкристаллизовываться, единственный вывод, который можно сделать после обозрения всего международного положения состоит в том, что главнейшим решающим фактором служит только реальная сила. Если Советская Россия, окончив гражданскую войну, не допустит вспыхнуть новой гражданской войне, если она сумеет прежде всего поднять свое земледелие, а затем оборудовать у себя хотя бы узкую, но достаточно прочную промышленную базу,—то значение Советской России при будущем решении вопросов мировой политики будет более значительно, чем когда-либо. И если при этом политика России останется политикой, вызывающей к себе глубочайшие симпатии широких рабочих масс всего мира и возрождающихся к жизни народов Востока, то этот моральный перевес еще более усилит ее значение, ибо тогда народные массы всех без исключения стран проникнутся убеждением, что в лице Советской России явилась новая сила, которая, координируя свои действия даже с капиталистическими странами и осуществляя интересы свой страны, вместе с тем защищает интересы рабочих всего мира, интересы всех угнетенных.

VI. Новая группировка великих держав, предстоящие столкновения и международный пролетариат.

Наше изложение показало, как изменилось соотношение сил, лежавшее в основе Версальского мирного договора.

В экономическом отношении *Соединенные Штаты Северной Америки* сделались решающей мировой силой. В лице их Англия имеет более опасного противника, чем когда либо могла стать Германия. Кардинальный вопрос состоит в том, — будет ли эта экономическая конкуренция и дальше обостряться или же будет достигнуто сотрудничество англо-саксонских держав. От того или иного решения этого вопроса зависит дальнейшее развитие мировой политики. В данный момент еще невозможно ответить на этот вопрос. Все находится еще в начальной стадии, и никто не сумел бы сказать, что из этого выйдет. В английских капиталистических кругах ясно понимают, сколь опасно конкурировать с Америкой, и стремятся к сотрудничеству с ней. Но с другой стороны такое сотрудничество может быть достигнуто лишь на почве отступления английского капитала перед американским, который, ни с чем не считаясь, выдвигает свои интересы на первый план. Английская дипломатия постоянно говорит о необходимости такого сотрудничества, но вместе с тем она убеждена в своем превосходстве над американской, думает, что в ее руках крупные козыри, которые дадут ей возможность одурачить Америку. Таким образом, происходит борьба тенденций сближения и конкуренции, которые в конечном счете могут привести к *англо-американскому соперничеству в мировом масштабе.* Приобретенный нами в истории опыт говорит, что два крупные промышленные государства, обладающие значительными морскими силами, обычно вступают в борьбу друг с другом, а не приходят к соглашению.

Противоречие американских и японских интересов— факт, от которого не отделаешься одними фразами. Это противоречие интересов переплетается сверх того с англо-американским соперничеством и развитие первого будет в значительной степени зависить от развития последнего. Во всяком случае оно является фактором, определяющим положение на Тихом океане.

Англо-французская борьба за гегемонию на европейском материке, связанная с борьбой за преобладание на Ближнем Востоке, является наряду с англо-американским соперничеством, продуктом послевоенного

развития. Это противоречие интересов Англии и Франции—главный фактор европейской политики, и его дальнейшее развитие будет зависить от развития отношений между Англией и Америкой. Военному преобладанию Франции на континенте не хватает соответствующего экономического базиса. Она может им заручиться лишь в том случае, если ей удастся образовать франко-германский железо-угольный трест, будь то путем изменения своей политики по отношению к Германии, будь то путем насилия. В состоянии ли она будет это сделать или нет, будет зависить от обострения или смягчения англо-американского соперничества. Если наступит обострение, то Франция, в качестве европейского орудия Америки, получит от нее необходимое прикрытие тыла для своей борьбы с Англией.

Германия и Австрия стали об'ектами мировой политики, и поэтому предстоящее развитие, начавшаяся перегруппировка соотношений между державами не откроют им выхода из создавшегося положения, разве только в Германии победит пролетарская революция и сделает страну активным фактором политики. Перегруппировка соотношений европейских капиталистических держав может изменить лишь направление, откуда сыпятся удары на германскую буржуазию. Фактором мировой политики бывает лишь тот, кто обороняется. Германская буржуазия, связанная по рукам своей борьбой с германским пролетариатом, не может думать об активной обороне против Антанты. Она может только менять форму зависимости.

Россия уже стала активным фактором мировой политики. Это признание, сделанное Парижским „Тан" в номере от 17 октября, приобретает тем более серьезное значение, что оно появляется на страницах официального органа той самой власти, которая долгое время не признавала за Советской Россией характера первоклассной державы. Вся территория России—*от Березины до Владивостока, от Ледовитого океана до Черного моря* — собрана в руках российского пролетариата. Опираясь на Красную армию, уже доказавшую свою силу, опираясь на национальную политику, принимающую самым тщательным образом во внимание национальные потребности не-русских народностей российской федерации, опираясь на добрые отношения с народами Востока, которые, вопреки всем ошибкам и промахам дипломатии, с каждым днем все более и более убеждаются, что и на Ближнем и на Дальнем Востоке, только Россия является оплотом освободительного дви-

жения народных масс в их борьбе с империализмом, используя противоречия внутри мирового капитала,—Советская Россия, несмотря на свою экономическую слабость, крепко стоит на завоеванных ею позициях, благодаря которым она все более и более становится одной из наиболее могущественных мировых держав.

Обострятся ли и когда обострятся очерченные здесь противоречия настолько, чтобы вызвать *новую всемирную* войну, нельзя сказать заранее. Мировая буржуазия так сильно потрясена мировой войной, последствий которой она до сих пор не может преодолеть, что она страшно боится новой мировой войны, которая будет означать конечную победу мировой революции. Поэтому она судорожно ищет новых компромиссов. Но расщепленная на враждебные друг другу капиталистические группировки, неспособная подчинить свои частные интересы общим интересам мирового капитала, она обречена выполнять работу Пенелопы. Она то и дело сама распускает едва только сотканную сеть соглашений. Теперь как и раньше находящаяся во власти незначительных клик, бессильных и безмозглых дипломатов, игрушка честолюбия военных генералов, она неспособна проводить политику экономического восстановления. *И поэтому банкротство Версальского мира вместо того, чтобы положить конец напряженному состоянию и привести к могущему обеспечить мирное развитие соглашению между отдельными крупными державами, поведет, наоборот, к новым столкновениям из-за нового дележа мира.*

Во всех этих столкновениях, происходивших со времени заключения Версальского мира, *международный пролетариат* в своем подавляющем большинстве был *не суб'ектом, а лишь об'ектом мировой политики.* Он играл лишь пассивную роль, которая потенциально определялась его силой в грядущей войне. Лишь страх, что когда-нибудь придет конец его овечьей покорности, тревожил капиталистические государства.

Политика вождей большинства международного пролетариата, 2 и $2^1/_2$ Интернационала и Амстердамского об,единения профессиональных союзов способна была скорее ослабить, чем усилить эту тревогу буржуазных правительств. Классическим примером духовной и политической немощи большинства рабочего класса является опубликованный 10 октября протокол переговоров представителей английских профсоюзов с Ллойд Джорджем. Пришедшие к нему для того, чтобы об'явить ему войну, на случай об'явления им внешней войны, они сами запутались в противо-

речиях своей позаимствованной от буржуазии идеологии и покинули его его же пленниками. Вожди пролетарского большинства боятся революции не меньше, чем буржуазные правительства. Потому то и приходится им ограничиваться заклинаниями, протестами и проклятиями. Потому то и вынуждены они впрягаться в колесницу промышленного капитала, пробуждающего в них надежду на то, что он предпочтет извлекать прибыль из пота рабочих, а не из их крови, и в тот момент, когда международный капитал, исходя из интересов извлечения максимальной прибыли, кладет в сторону пастушескую свирель, на которой он разыгрывал мирную мелодию, они оказываются беспомощными, обманутыми, бессильными, неспособными к борьбе. Ненависть к революции вовлекает их в борьбу с Советской Россией, и в этой борьбе они становятся союзниками капитала против единственной революционной державы в мире. То, обстоятельство, что они молчали во время Генуэзской конференции, больше того— сознательно саботировали всякую попытку наступления международного пролетариата на международный фронт капитала, свидетельствует о том, что они опустились до роли сознательных пособников международного капитала в его стараниях силой добиться реставрации капитализма в России. Факт этот целиком подтверждается поворотом вправо меньшевистских партий, заметным как по статьям Мартова и Дана в пользу реставрации капитализма и буржуазной демократии в России, так и по письму вождя английской рабочей партии Клайнса выступающего перед Советским правительством за ратификацию того самого договора, который социалдемократическая печать клеймит как измену российской революции и сдачу ее позиций. Политика вождей пролетарского большинства готова содействовать восстановлению капитализма, если только он откажется от войны. Она не отличается от политики либерального промышленного и торгового капитала и подобно ей бессильна.

Коммунистический Интернационал единственная часть международного пролетариата, ведущая активную революционную мировую политику. Мобилизуя изо дня в день рабочие массы для борьбы с экономическими последствиями войны, мобилизуя их для революционной борьбы, он становится пролетарским фактором мировой политики. Его политика поддержки Советской России— это составная часть той гигантской борьбы, которая ведется им как *против империалистической войны, так*

и против империалистического мира за перестройку всего мира на пролетарских принципах.

В лице Советской России рабочий класс имеет *государственный центр* своей революционной борьбы, и если сикофанты из 2 и $2^1/_2$ Интернационалов бросают Коммунистическому Интернационалу упрек в том, что он отстаивает государственные интересы России, то Коминтерн может спокойно ответить им: *Интересы российского пролетарского государства суть интересы организовавшегося в форму государственной власти российского пролетариата*, первой победоносной части мирового пролетариата, а потому они совпадают с интересами рабочего класса всего мира. Что ни день, то явственнее и явственнее обнаруживается развал международного капитализма, способствующий усилению мощи Советской России и в то же время толкающий все более и более широкие массы пролетариата на революционную борьбу. Советская Россия и Коммунистический Интернационал становятся, таким образом, день ото дня все более крупным и мощным фактором международной политики. Они используют свою силу для освобождения международного пролетариата и его союзников, закабаленных крестьянских масс Ближнего и Дальнего Востока и народностей черной расы. Трудно сказать, сколько времени будет длиться эта борьба. Коммунистический Интернационал должен учитывать возможность медленного поступательного движения мировой революции, как это делает Советская Россия. Это неизбежно связано с временными поражениями и отступлениями, это требует применения в борьбе всевозможных средств, а прежде всего основательной подготовки к борьбе. В понятие этой подготовки входит тщательный анализ всех изменений мировой политики, который необходим, если рабочий класс хочет играть в этой политике все более и более крупную роль. Потому то борьба Коммунистического Интернационала все теснее и теснее переплетается со всеми перипетиями мировой политики, потому то Коммунистический Интернационал должен внушать своим отрядам во всех странах единообразное понимание каждого отдельного события в области мировой политики, развивать в них одинаковое понимание общего хода событий, пробуждать в них единую страстную волю, направленную не только на понимание и об'яснение фактов, но и стремящуюся повлиять на ход вещей, ускорить исторический процесс, изменить лицо действительности. *Это—воля к мировой революции, орудием которой служит рабочий класс.*

Москва, 28/X 22.

1р 50к

ИЗДАТЕЛЬСТВО
КОММУНИСТИЧЕСКОГО
ИНТЕРНАЦИОНАЛА
ПЕТРОГРАД